



Маргарет Митчелл

Унесенные ветром. Том 1



Перевод с английского
Т. Озерской

ФТМ

Унесенные ветром

Маргарет Митчелл

Унесенные ветром. Том 1

«ФТМ»

1936

Митчелл М.

Унесенные ветром. Том 1 / М. Митчелл — «ФТМ»,
1936 — (Унесенные ветром)

ISBN 978-5-44-671287-8

Согласно легенде, создание романа «Унесенные ветром» началось с того, как Маргарет Митчелл написала главную фразу последней главы: «Ни одного из любимых ею мужчин Скарлетт так и не смогла понять и вот – потеряла обоих». Последующая работа над произведением продолжалась около десяти лет и потребовала от писательницы огромной самоотдачи и напряженного труда. Стремясь проникнуть в самый дух эпохи, Митчелл кропотливо изучала историю родной Атланты, использовала газеты и журналы середины XIX века. На страницах ее рукописи оживали рассказы очевидцев Гражданской войны и семейные предания. Некоторые сцены Митчелл переписывала по четыре-пять раз, а что касается первой главы, писательницу удовлетворил лишь 60-й вариант! Роман, вышедший весной 1936 года, имел беспрецедентный успех и сразу побил все рекорды по популярности и тиражам во всей истории американской литературы. А одноименная экранизация с Вивьен Ли и Кларком Гейблом в главных ролях завоевала 10 премий «Оскар» и стала одной из самых знаменитых лент в истории мирового кинематографа.

ISBN 978-5-44-671287-8

© Митчелл М., 1936

© ФТМ, 1936

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	19
Глава 3	31
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Маргарет Митчелл

Унесенные ветром

Том 1

© Перевод. Т. Озерская, наследники, 2020

© Агентство ФТМ, Лтд., 2020

Часть первая

Глава 1

Скарлетт О'Хара не была красавицей, но мужчины вряд ли отдавали себе в этом отчет, если они, подобно близнецам Тарлтонам, становились жертвами ее чар. Очень уж причудливо сочетались в ее лице утонченные черты матери, местной аристократки французского происхождения, и крупные, выразительные черты отца – пышущего здоровьем ирландца. Широко-скулое, с точеным подбородком лицо Скарлетт невольно приковывало к себе взгляд. Особенно глаза – чуть раскосые, светло-зеленые, прозрачные, в оправе темных ресниц. На белом, как лепесток магнолии, лбу – ах эта белая кожа, которой так гордятся женщины американского Юга, бережно охраняя ее шляпками, вуалетками и митенками от жаркого солнца Джорджии! – две безукоризненно четкие линии бровей стремительно взлетали косо вверх – от переносицы к вискам.

Словом, она являла взору очаровательное зрелище, сидя в обществе Стюарта и Брента Тарлтонов в прохладной тени за колоннами просторного крыльца Тары – обширного поместья своего отца. Шел 1861 год, ясный апрельский день клонился к вечеру. Новое зеленое в цветочек платье Скарлетт, на которое пошло двенадцать ярдов муслина, воздушными волнами лежало на обручах криолина, находясь в полной гармонии с зелеными сафьяновыми туфельками без каблуков, только что привезенными ей отцом из Атланты. Лиф платья как нельзя более выгодно обтягивал безупречную талию, бесспорно самую тонкую в трех графствах штата, и отлично сформировавшийся для шестнадцати лет бюст. Но ни чинно расправленные юбки, ни скромность прически – стянутых тугим узлом и запрятаных под сетку волос, – ни степенно сложенные на коленях маленькие белые ручки не могли ввести в обман: зеленые глаза – беспокойные, яркие (о, сколько в них было своенравия и огня!) – вступали в спор с учтивой светской сдержанностью манер, выдавая подлинную сущность этой натуры. Манеры были результатом нежных наставлений матери и более суровых нахлобучек Мамушки. Глаза дала ей природа.

По обе стороны от нее, небрежно развалившись в креслах, вытянув скрещенные в лодыжках, длинные, в сапогах до колен, мускулистые ноги первоклассных наездников, близнецы смеялись и болтали, солнце било им в лицо сквозь высокие, украшенные лепным орнаментом стекла, заставляя жмуриться. Высокие, крепкотелые и узкобедрые, загорелые, рыжеволосые, девятнадцатилетние, в одинаковых синих куртках и горчичного цвета бриджах, они были неотличимы друг от друга, как две коробочки хлопка.

На зеленом фоне молодой листвы белоснежные кроны цветущих кизилых деревьев мерцали в косых лучах закатного солнца. Лошади близнецов, крупные животные, золотисто-гнедые, под стать шевелюрам своих хозяев, стояли у коновязи на подъездной аллее, а у ног лошадей переругивалась свора поджарых нервных гончих, неизменно сопровождавших Стюарта и Брента во всех их поездках. В некотором отдалении, как оно и подобает аристократу, возлежал, опутив морду на лапы, пятнистый далматский дог и терпеливо ждал, когда молодые люди отправятся домой ужинать.

Близнецы, лошади и гончие были не просто неразлучными товарищами – их роднили более крепкие узы. Молодые, здоровые, ловкие и грациозные, они были под стать друг другу – одинаково жизнерадостны и беззаботны, и юноши не менее горячи, чем их лошади, – горячи, а подчас и опасны, – но при всем том кротки и послушны в руках тех, кто знал, как ими управлять.

И хотя все трое, сидевшие на крыльце, были рождены для привольной жизни плантаторов и с пеленок воспитывались в довольстве и холе, окруженные сонмом слуг, лица их не казались ни безвольными, ни изнеженными. В этих мальчиках чувствовалась сила и решительность сельских жителей, привыкших проводить жизнь под открытым небом, не особенно обременяя свои мозги скучными книжными премудростями. Графство Клейтон в Северной Джорджии было еще молодо, и жизнь там, на взгляд жителей Чарльстона, Саванны и Огасты, пока что не утратила некоторого налета грубости. Более старые и степенные обитатели Юга смотрели сверху вниз на новопоселенцев, но здесь, на севере Джорджии, небольшой пробел по части тонкостей классического образования не ставился никому в вину, если это искупалось хорошей сноровкой в том, что имело подлинную цену. А цену имело умение вырастить хлопок, хорошо сидеть в седле, метко стрелять, не ударить в грязь лицом в танцах, галантно ухаживать за дамами и оставаться джентльменом даже во хмелю.

Все эти качества были в большой мере присущи близнецам, которые к тому же широко прославились своей редкой неспособностью усваивать любые знания, почерпнутые из книг. Их родителям принадлежало больше денег, больше лошадей, больше рабов, чем любому другому семейству графства, но по части грамматики близнецы уступали большинству своих небогатых соседей – «голодранцев», как называли белых бедняков на Юге.

Как раз по этой причине Стюарт и Брент и бездельничали в эти апрельские послеполуночные часы на крыльце Тары. Их только что исключили из университета Джорджии – четвертого за последние два года университета, указавшего им на дверь, и их старшие братья, Том и Бойд, возвратились домой вместе с ними, не пожелав оставаться в стенах учебного заведения, где младшие пришли не ко двору. Стюарт и Брент рассматривали свое последнее исключение из университета как весьма забавную шутку, и Скарлетт, ни разу за весь год – после окончания средней школы, Фейетвиллского пансиона для молодых девиц, – не взявшая по своей воле в руки книги, тоже находила это довольно забавным.

– Вам-то, я знаю, ни жарко ни холодно, что вас исключили, да и Тому тоже, – сказала она. – А вот как же Бойд? Ему как будто ужасно хочется стать образованным, а вы вытащили его и из Виргинского, и из Алабамского, и из Южно-Каролинского университетов, а теперь еще и из университета Джорджии. Если и дальше так пойдет, ему никогда не удастся ничего закончить.

– Ну, он прекрасно может изучить право в конторе судьи Пармали в Фейетвилле, – беспечно отвечал Брент. – К тому же наше исключение ничего, в сущности, не меняет. Нам все равно пришлось бы возвратиться домой еще до конца семестра.

– Почему?

– Так ведь война, глупышка! Война должна начаться со дня на день, и не станем же мы корпеть над книгами, когда другие воюют, как ты полагаешь?

– Вы оба прекрасно знаете, что никакой войны не будет, – досадливо отмахнулась Скарлетт. – Все это одни разговоры. Эшли Уилкс и его отец только на прошлой неделе говорили папе, что наши представители в Вашингтоне придут к этому самому... К обоюдодоприемлемому соглашению с мистером Линкольном по поводу Конфедерации. Да и вообще янки слишком боятся нас, чтобы решиться с нами воевать. Не будет никакой войны, и мне надоело про нее слушать.

– Как это не будет войны! – возмущенно воскликнули близнецы, словно открыв бессознательный обман.

– Да нет же, прелесть моя, война будет непременно, – сказал Стюарт. – Конечно, янки боятся нас, но после того, как генерал Борегард выбил их позавчера из форта Самтер, им ничего не остается, как сражаться, ведь иначе их ославят трусами на весь свет. Ну а Конфедерация...

Но Скарлетт нетерпеливо прервала его, сделав скучающую гримасу:

– Если кто-нибудь из вас еще раз произнесет слово «война», я уйду в дом и захлопну дверь перед вашим носом. Это слово нагоняет на меня тоску... да и еще вот – «отделение от Союза». Папа говорит о войне с утра до ночи, и все, кто бы к нему ни пришел, только и делают, что вопят: «Форт Самтер, права Штатов, Эйби Линкольн!», и я прямо-таки готова визжать от скуки! Ну и мальчики тоже ни о чем больше не говорят, да еще о своих драгоценных эскадронах. Этой весной на всех вечерах царила такая тоска, потому что мальчики разучились говорить о чем-либо другом. Я очень рада, что Джорджия не вздумала отделяться до Святых, иначе у нас были бы испорчены все рождественские балы. Если я еще раз услышу про войну, я уйду в дом.

И можно было не сомневаться, что она сдержит слово. Ибо Скарлетт не выносила разговоров, главной темой которых не являлась она сама. Однако плутовка произнесла свои угрозы с улыбкой – памятуя о том, что от этого у нее заиграют ямочки на щеках, – и, словно бабочка крылышками, взмахнула длинными темными ресницами. Мальчики были очарованы – а только этого она и стремилась достичь – и поспешили принести извинения. Отсутствие интереса к военным делам ничуть не уронило ее в их глазах. По правде говоря, даже наоборот. Война – занятие мужское, а отнюдь не дамское, и в поведении Скарлетт они усмотрели одно лишь свидетельство ее безупречной женственности.

Уведя собеседников в сторону от надоевшей темы войны, Скарлетт с увлечением вернулась к их личным делам:

– А что сказала ваша мама, узнав, что вас обоих снова исключили из университета?

Юноши смутились, припомнив, как встретила их мать три месяца назад, когда они, изгнанные из Виргинского университета, возвратились домой.

– Да видишь ли, – сказал Стюарт, – она пока еще не имела возможности ничего сказать. Мы вместе с Томом уехали сегодня из дома рано утром, пока она не встала, и Том засел у Фонтейнов, а мы поскакали сюда.

– А вчера вечером, когда вы явились домой, она тоже ничего не сказала?

– Вчера вечером нам повезло. Как раз перед нашим приездом привели нового жеребца, которого ма купила в прошлом месяце на ярмарке в Кентукки, и дома все было вверх дном. Ах, Скарлетт, какая это великолепная лошадь, ты скажи отцу, чтобы он приехал поглядеть! Это животное еще по дороге едва не вышибло дух из конюха и чуть не насмерть затоптало двух маминых чернокожих, встречавших поезд на станции в Джонсборо. А как раз когда мы приехали, жеребец только что разнес в щепы стойло, едва не убил мамину любимую лошадь Земляничку, и ма стояла в конюшне с целым мешком сахара в руках – пыталась его улестить, и, надо сказать, не без успеха. Чернокожие повисли от страха на стропилах и тарасили на ма глаза, а она разговаривала с жеребцом, прямо как с человеком, и он брал сахар у нее из рук. Никто не умеет так обращаться с лошадьми, как ма. Тут она увидела нас и говорит: «Боже милостивый, что это вас опять принесло домой? Это же не дети, а чума египетская!» Но в эту минуту жеребец начал фыркать и лягаться, и ма сказала: «Пошли вон отсюда! Не видите, что ли, – он же нервничает, мой голубок! А с вами я утром потолкую!» Ну, мы легли спать и поутру ускакали пораньше, пока она в нас не вцепилась, а Бойд остался ее умасливать.

– Как вы думаете, она вздует Бойда?

Скарлетт, как и все жители графства, просто не могла освоиться с мыслью, что «крошка» миссис Тарлтон держит в ежовых рукавицах своих великовозрастных сыновей, а по мере надобности и прохаживается по их спинам хлыстом.

Беатриса Тарлтон была женщина деловая и несла на своих плечах не только заботу о большой хлопковой плантации, сотне негров-рабов и восьми своих отпрысках, но и добавок еще и управляла самым крупным конным заводом во всем штате. Нрав у нее был горячий, и она легко впадала в ярость от бесчисленных проделок своих четырех сыновей, и если телесные

наказания для лошадей или для негров находились в ее владениях под строжайшим запретом, то мальчишкам порка время от времени не могла, по ее мнению, принести вреда.

– Нет, конечно, Бойда она не тронет. С Бойдом ма не особенно крепко расправляется, потому как он самый старший, а ростом не вышел, – сказал Стюарт не без тайной гордости за свои шесть футов два дюйма. – Мы потому и оставили его дома объясниться с ней. Да, черт побери. Пора бы уж ма перестать задавать нам трепку! Нам же по девятнадцать, а Тому двадцать один, а она обращается с нами, как с шестилетними.

– Ваша мама поедет завтра на барбекю к Уилксам на этой новой лошади?

– Она поехала бы, да папа сказал, что это опасно, лошадь слишком горяча. Ну и девчонки ей не дадут. Они заявили, что она должна хотя бы раз приехать в гости, как приличествует даме – в экипаже.

– Лишь бы завтра не было дождя, – сказала Скарлетт. – Уже целую неделю почти ни одного дня без дождя. Ничего нет хуже, как испорченное барбекю, когда все переносится в дом и превращается в пикник в четырех стенах.

– Не беспокойся, завтра будет погожий день и жарко, как в июне, – сказал Стюарт. – Погляди, какой закат – я никогда еще, по-моему, не видал такого красного солнца! Погоду всегда можно предсказать по закату.

Все поглядели туда, где на горизонте над только что вспаханymi безбрежными хлопковыми полями Джералда О'Хара пламенел закат. Огненно-красное солнце опускалось за высокий холмистый берег реки Флинт, и на смену апрельскому теплу со двора уже потянуло душистой прохладой.

Весна рано пришла в этом году – с частыми теплыми дождями и стремительно вскипающей бело-розовой пеной в кронах кизиловых и персиковых деревьев, осыпавших темные заболоченные поймы рек и склоны далеких холмов бледными звездочками своих цветов. Пахота уже подходила к концу, и багряные закаты окрашивали свежие борозды красной джорджианской глины еще более густым багрем. Влажные, вывороченные пласты земли, малиновые на подсыхающих гребнях борозд, лиловато-пунцовые и бурые в густой тени, лежали, алкая хлопковых зерен посева. Выбеленный известкой кирпичный усадебный дом казался островком среди потревоженного моря вспаханной земли, среди красных, вздыбившихся, серповидных волн, словно бы окаменевших в момент прибою. Здесь нельзя было увидеть длинных прямых борозд, подобных тем, что радуют глаз на желтых глинистых плантациях плоских пространств Центральной Джорджии или на сочном черноземе прибрежных земель. Холмистые предгорья Северной Джорджии вспахивались зигзагообразно, образуя бесконечные спирали, дабы не дать тяжелой почве сползти на дно реки.

Это была девственная красная земля – кроваво-алая после дождя, кирпично-пыльная в засуху, – лучшая в мире для выращивания хлопка. Это был приятный для глаз край белых особняков, мирных пашен и неторопливых мутно-желтых рек... И это был край резких контрастов – яркого солнца и глубоких теней. Расчищенные под пашню земли плантаций и тянувшиеся миля за милей хлопковые поля безмятежно покоились, прогретые солнцем, окаймленные нетронутым лесом, темным и прохладным даже в знойный полдень, – сумрачным, таинственным, чуть зловещим, наполненным терпеливым, вековым шорохом в верхушках сосен, похожим на вздох или на угрозу: «Берегись! Берегись! Ты уже зарастало однажды, поле. Мы можем завладеть тобою снова!»

До слуха сидевших на крыльце донесся стук копыт, позвякивание упряжи, смех и перекличка резких негритянских голосов – работники и мулы возвращались с поля. Из дома долетел нежный голос Эллин О'Хара, матери Скарлетт, подзывавшей девчонку-негритянку, носившую за ней корзиночку с ключами.

– Да, мэм, – прозвучал в ответ тоненький детский голосок, и с черного хода донесся шум шагов, удалявшихся в сторону копильни, где Эллин ежевечерне по окончании полевых

работ раздавала пищу неграм. Затем стал слышен звон посуды и столового серебра: Порк, соединявший в своем лице и лакея и дворецкого усадьбы, начал накрывать на стол к ужину.

Звуки эти напомнили близнецам, что им пора возвращаться домой. Но мысль о встрече с матерью страшила их, и они медлили на крыльце, смутно надеясь, что Скарлетт пригласит их поужинать.

– Послушай, Скарлетт, а как насчет завтрашнего вечера? – сказал Брент. – Мы тоже хотим потанцевать с тобой – ведь мы не виноваты, что ничего не знали ни про барбекю, ни про бал. Надеюсь, ты еще не все танцы расписала?

– Разумеется, все! А откуда мне было знать, что вы прискачете домой? Не могла же я беречь танцы для вас, а потом остаться с носом и подпирать стенку!

– Это ты-то? – Близнецы оглушительно расхохотались.

– Вот что, малютка, ты должна отдать мне первый вальс, а Стю – последний и за ужином сесть с нами. Мы разместимся на лестничной площадке, как на прошлом балу, и позовем Джинси, чтобы она опять нам погадала.

– Мне не нравится, как она гадает. Вы же слышали – она предсказала, что я выйду замуж за жгучего брюнета с черными усами, а я не люблю брюнетов.

– Ты любишь рыжеволосых, верно, малютка? – ухмыльнулся Брент. – В таком случае пообещай нам все вальсы и ужин.

– Если пообещаешь, мы откроем тебе один секрет, – сказал Стюарт.

– Вот как? – воскликнула Скарлетт, мгновенно, как дитя, загоревшись любопытством.

– Это ты про то, что мы слышали вчера в Атланте, Стю? Но ты помнишь – мы дали слово молчать.

– Ладно уж. В общем, мисс Питти сказала нам кое-что.

– Мисс – кто?

– Да эта, ты ее знаешь, кузина Эшли Уилкса, которая живет в Атланте, – мисс Питтипэт Гамильтон, тетка Чарльза и Мелани Гамильтонов.

– Конечно, знаю и могу сказать, что более глупой старухи я еще отродясь не встречала.

– Так вот, когда мы вчера в Атланте ждали своего поезда, она проезжала в коляске мимо вокзала, остановилась поболтать с нами и сказала, что завтра у Уилксов на балу будет оглашена помолвка.

– Ну, это для меня не новость, – разочарованно протянула Скарлетт. – Этот дурачок, Чарли Гамильтон, ее племянник, обручится с Милочкой Уилкс. Всем уже давным-давно известно, что они должны пожениться, хотя он, мне кажется, не очень-то к этому рвется.

– Ты считаешь его дурачком? – спросил Брент. – Однако на Святках ты позволяла ему всюю увиваться за тобой.

– А как я могла ему запретить? – Скарлетт небрежно пожала плечами. – Все равно, по моему, он ужасная размазня.

– И к тому же это вовсе не его помолвка будет завтра объявлена, а Эшли с мисс Мелани, сестрой Чарльза! – торжествующе выпалил Стюарт.

Скарлетт не изменилась в лице, и только губы у нее слегка побелели. Так бывает, когда удар обрушивается внезапно и человек не успевает охватить сознанием то, что произошло. Столь неподвижно было ее лицо, когда она, не проронив ни слова, смотрела на Стюарта, что он, не будучи от природы слишком наблюдателен, решил: это известие, как видно, здорово удивило и заинтриговало ее.

– Мисс Питти сказала нам, что они собирались огласить помолвку только в будущем году, потому как мисс Мелани не особенно крепка здоровьем, но сейчас только и разговора что о войне, и вот оба семейства решили поторопиться со свадьбой. Помолвка будет оглашена завтра за ужином. Видишь, Скарлетт, мы открыли тебе секрет, и ты теперь должна пообещать, что сядешь ужинать с нами.

– Ну конечно, с вами, – машинально пробормотала Скарлетт.

– И обещаешь отдать нам все вальсы?

– Обещаю.

– Ты – прелесть. Воображаю, как все мальчишки взбесятся!

– А пускай себе бесятся, – сказал Брент. – Мы вдвоем легко с ними управимся. Послушай, Скарлетт, посиди с нами и утром, на барбекю.

– Что ты сказал?

Стюарт повторил свою просьбу.

– Ладно.

Близнецы переглянулись – торжествующе, но не без удивления. Для них было непривычно столь легко добиваться знаков расположения этой девушки, хотя они и считали, что она отдает им некоторое предпочтение перед другими. Обычно Скарлетт все же заставляла их упрашивать ее и умолять, водила их за нос, не говоря ни «да», ни «нет», высмеивала их, если они начинали дуться, и напускала на себя ледяную холодность, если они пробовали рассердиться. А сейчас она, в сущности, пообещала провести с ними весь завтрашний день – сидеть рядом на барбекю, танцевать с ними все вальсы (а уж они позаботятся, чтобы вальс вытеснил все другие танцы!) и ужинать вместе. Ради этого стоило даже вылететь из университета!

Окрыленные своим неожиданным успехом, близнецы не спешили откланяться и продолжали болтать о предстоящем барбекю, о бале, о Мелани Гамильтон и Эшли Уилксе, отпуская шутки, хохоча, перебивая друг друга и довольно прозрачно намекая, что приближается время ужина. Молчание Скарлетт не сразу дошло до их сознания, а она за все это время не проронила почти ни слова. Наконец и они ощутили какую-то перемену. Сияющий вечер словно бы потускнел – только близнецы не могли бы сказать, отчего это произошло. Скарлетт, казалось, совсем их не слушала, хотя ни разу не ответила невпопад. Чувствуя, что происходит нечто непонятное, сбитые с толку, раздосадованные, они пытались еще некоторое время поддерживать разговор, потом поглядели на часы и нехотя поднялись.

Солнце стояло уже совсем низко над свежевспаханным полем, и за рекой черной зубчатой стеной воздвигся высокий лес. Ласточки, выпорхнув из застрех, стрелой проносились над двором, а куры, утки и индюки, одни – важно вышагивая, другие – переваливаясь с боку на бок, потянулись домой с поля.

Стюарт громко крикнул: «Джимс!»

И почти тотчас высокий негр, примерно одного с близнецами возраста, запыхавшись, выбежал из-за угла дома и бросился к коновязи. Джимс был их личным слугой и вместе с собаками сопровождал их повсюду. Он был неразлучным товарищем их детских игр, а когда им исполнилось десять лет, они получили его в собственность в виде подарка ко дню рождения. Завидя Джимса, гончие поднялись, отряхивая красную пыль, и замерли в ожидании хозяев. Юноши распрощались, пообещав Скарлетт приехать завтра к Уилксам пораньше и ждать ее там. Затем сбежали с крыльца, вскочили в седла и, сопровождаемые Джимсом, пустили лошадей в галоп по кедровой аллее, что-то крича на прощание и размахивая шляпами.

За поворотом аллеи, скрывшим из глаз дом, Брент остановил лошадь в тени кизилых деревьев. Следом за ним остановился и Стюарт. Мальчишка-негр остановился в некотором отдалении. Лошади, почувствовав ослабевшие поводья, принялись пощипывать нежную весеннюю траву, а терпеливые собаки снова улеглись в мягкую красную пыль, с вождением поглядывая на круживших в сгущающихся сумерках ласточек. На широком простодушном лице Брента было написано недоумение и легкая обида.

– Послушай, – сказал он. – Не кажется ли тебе, что она могла бы пригласить нас поужинать?

– Я, признаться, тоже этого ждал, да так и не дождался, – отвечал Стюарт. – Что ты скажешь, а?

– Не знаю, что и сказать. Странно как-то. В конце концов, мы ведь давно не виделись и, как приехали, – прямо к ней. И даже почти ничего еще не успели и рассказать.

– Мне показалось, что она поначалу здорово обрадовалась, увидав нас.

– Да, мне тоже так подумалось.

– А потом вдруг как-то притихла, словно у нее голова разболелась.

– Да, я заметил, но не придавал этому значения. Что это с ней, как ты думаешь?

– Не пойму. Может, мы сказали что-нибудь такое, что ее рассердило?

На минуту оба погрузились в размышления.

– Ничего такого не могу припомнить. И притом, когда Скарлетт разозлится, это же сразу видно. Она не то что другие девчонки – у нее тут же все вырывается наружу.

– Да, это мне как раз в ней и нравится. Она, когда сердится, не превращается в ледышку и не обливает тебя презрением, а просто выкладывает все начистоту. И все-таки, видно, мы что-то не то сказали или сделали – почему она вдруг примолкла и стала какая-то скучная. Могу поклясться, что она обрадовалась, увидав нас, и, похоже, хотела пригласить поужинать.

– Может, это потому, что нас опять вышвырнули из университета?

– Ну да, черта с два! Не будь идиотом. Она же хохотала как чумовая, когда мы ей об этом рассказывали. Да она не больше нашего уважает всю эту книжную премудрость.

Брент, повернувшись в седле, кликнул своего негра-грума:

– Джимс!

– Да, сэр!

– Ты слышал наш разговор с мисс Скарлетт?

– Не-е, сэр, мистер Брент! Вы уж скажете! Да чтоб я стал подслушивать за белыми господами!

– А то нет, черт побери! У вас, черномазых, всегда ушки на макушке! Я же видел, как ты, врунишка, слонялся вокруг крыльца и прятался за жасминовым кустом у стены. Ну-ка, вспомни, не сказали ли мы чего-нибудь такого, что могло бы рассердить или обидеть мисс Скарлетт?

После такого призыва к его сообразительности Джимс бросил притворство и сосредоточенно сдвинул черные брови.

– Не-е, сэр, такого я не заметил, она вроде не сердилась. Она вроде очень обрадовалась, похоже, сильно без вас скучала и, покамест вы не сказали про мистера Эшли и мисс Мелани Гамильтон – про то, что они поженятся, – все щебетала как птичка, а тут вдруг вся съежилась, будто ястреба увидела.

Близнецы переглянулись и кивнули, но на их лицах все еще было написано недоумение.

– Джимс прав, – сказал Стюарт. – Но в чем тут дело, в толк не возьму. Черт подери, она же никогда не интересовалась Эшли – он для нее просто друг. Она нисколько им не увлечена. Во всяком случае, не так, как нами.

Брент утвердительно кивнул.

– А может, ей обидно, что Эшли ничего не сказал ей про завтрашнее оглашение – они же как-никак друзья детства? Девчонки любят узнавать такие новости первыми – это для них почему-то важно.

– Может, и так. Да только... ну что с того, что не сказал? Это ведь держалось от всех в тайне, потому что было задумано как сюрприз. И в конце-то концов, разве человек не имеет права молчать о своей помолвке? Мы бы ведь тоже ничего бы не узнали, не проболтайся нам тетюшка мисс Мелли. К тому же Скарлетт не могла не знать, что Эшли рано или поздно женится на мисс Мелли. Мы-то знаем про это давным-давно. Так уж у них повелось – у Гамильтонов и Уилксов: жениться на кузинах. Всем было известно, что Эшли когда-нибудь женится на мисс Мелли, а Милочка Уилкс выйдет замуж за ее брата Чарльза.

– Ладно, не желаю больше ломать себе над этим голову. Жаль только, что она не пригласила нас поужинать. Признаться, мне страсть как неохота ехать домой и выслушивать маменькины вопли по поводу нашего исключения из университета. А ведь пора бы ей и привыкнуть.

– Будем надеяться, что Бойду уже удалось ее умаслить. Ты же знаешь, как у этого хитреца ловко подвешен язык. Он всегда умеет ее задобрить.

– Да, конечно, но на это ему нужно время. Он будет кружить вокруг да около, пока не заговорит ей зубы и она не сложит оружие и не велит ему приберечь свое красноречие для адвокатской практики. А Бойду небось даже не удалось пока что и подступиться к ма. Бьюсь об заклад, что она все еще в таком упоении от своего нового жеребца, что о нас и думать забыла и вспомнит про наше исключение, только когда сядет ужинать и увидит за столом Бойда. Ну а к концу ужина она уже распалится вовсю и будет метать громы и молнии. А часам к десяти, и никак не раньше, Бойду удастся втолковать ей, что было бы унижительно для любого из ее сыновей оставаться в учебном заведении, где ректор позволил себе разговаривать с нами в таком тоне. И лишь к полуночи Бойд наконец так заморочит ей голову, что она взбесится и будет кричать на него – почему он не пристрелил ректора. Нет, раньше, как к ночи, нам домой лучше не соваться.

Близнецы хмуро поглядели друг на друга. Они, никогда не робевшие ни в драке, ни перед необъезженным скакуном, ни перед разгневанными соседями-плантаторами, испытывали священный трепет перед беспощадным языком своей рыжеволосой матушки и ее хлыстом, который она без стеснения пускала прогуляться по их задкам.

– Знаешь что, – сказал Брент. – Давай поедем к Уилксам. Эшли и барышни будут рады, если мы поужинаем с ними.

Но Стюарт, казалось, смутился.

– Нет, не стоит к ним ехать. У них там небось дым коромыслом – готовятся к завтрашнему барбекю, и притом...

– Ах да, я и забыл, – поспешно перебил его Брент. – Нет, туда мы не поедем.

Они прищелкнули языком, трогая лошадей с места, и некоторое время ехали в полном молчании. Смуглые щеки Стюарта порозовели от смущения. До прошлого лета он усиленно ухаживал за Индией Уилкс с молчаливого одобрения своих и ее родителей и всей округи. Все жители графства полагали, что спокойная, уравновешенная Индия Уилкс может оказать благотворное влияние на этого малого. Во всяком случае, они горячо на нее уповали. И Стюарт мог бы заключить этот брачный союз, но Бренту это было не по душе. Нельзя сказать, чтобы Индия совсем не нравилась Бренту, но он все же находил ее слишком простенькой и скучной и никакими силами не мог заставить себя влюбиться в нее, чтобы составить Стюарту компанию. Впервые за всю жизнь близнецы разошлись во вкусах, и Брента злило, что его брат оказывает внимание девушке, ничем, по его мнению, не примечательной.

А потом, прошлым летом, на политическом митинге в дубовой роще возле Джонсборо внимание обоих внезапно привлекла к себе Скарлетт О'Хара. Они дружили с ней не первый год, и еще со школьных лет она была неизменной участницей всех их детских проказ, так как скакала верхом и лазила по деревьям почти столь же ловко, как они. А теперь, к полному их изумлению, внезапно превратилась в настоящую молодую леди, и притом прелестнейшую из всех живущих на земле.

Они впервые заметили, какие искорки пляшут в ее зеленых глазах, какие ямочки играют на щеках, когда она улыбается, какие у нее изящные ручки и маленькие ножки и какая тонкая талия. Близнецы отпускали шутки, острили, а она заливалась серебристым смехом, и, видя, что она отдает им должное, они лезли из кожи вон.

Это был памятный в их жизни день. Впоследствии, не раз возвращаясь к нему в воспоминаниях, близнецы только диву давались, как это могло случиться, что они столь долго оставались нечувствительными к чарам Скарлетт О'Хара. Они так и не нашли ответа на этот вопрос, а

секрет состоял в том, что в тот день Скарлетт сама решила привлечь к себе их внимание. Знать, что кто-то влюблен не в нее, а в другую девушку, всегда было для Скарлетт сущей мукой, и видеть Стюарта возле Индии Уилкс оказалось для этой маленькой хищницы совершенно непереносимым. Не удовольствовавшись одним Стюартом, она решила заодно пленить и Брента и проделала это с таким искусством, что ошеломила обоих.

Теперь они оба были влюблены в нее по уши, а Индия Уилкс и Летти Манро из имения Отрада, за которой от нечего делать волочился Брент, отступили на задний план. Каково будет оставшемуся с носом, если Скарлетт отдаст предпочтение одному из них, – над этим близнецы не задумывались. Когда придет срок решать, как тут быть, тогда они и решат. А пока что оба были очень довольны гармонией, наступившей в их сердечных делах, ибо ревности не было места в отношениях братьев. Такое положение вещей чрезвычайно возбуждало любопытство соседей и раздражало их мать, недолюбливавшую Скарлетт.

– Поделом вам обоим будет, если эта продувная девчонка надумает заарканить одного из вас, – сказала маменька. – А может, она решит, что двое лучше одного, и тогда вам придется переселиться в Юту, к мормонам... если только они вас примут, в чем я сильно сомневаюсь. Боюсь, что в один прекрасный день вы просто-напросто напьетесь и перестреляете друг друга из-за этой двуличной зеленоглазой вертушки. А впрочем, может, оно бы и к лучшему.

С того дня – после митинга – Стюарт в обществе Индии чувствовал себя не в своей тарелке. Ни словом, ни взглядом, ни намеком не дала ему Индия понять, что заметила резкую перемену в его отношении к ней. Она была слишком хорошо для этого воспитана. Но Стюарт не мог избавиться от чувства вины и испытывал поэтому неловкость. Он понимал, что вскрыл Индию голову, понимал, что она и сейчас все еще любит его, а он – в глубине души нельзя было в этом не признаться – поступает с ней не по-джентльменски. Он по-прежнему восхищался ею и безмерно уважал ее за воспитанность, благородство манер, начитанность и прочие драгоценные качества, коими она обладала. Но, черт побери, она была так бесцветна, так тоскливо-однообразна по сравнению с яркой, изменчивой, очаровательно-капризной Скарлетт! С Индией всегда все было ясно, а Скарлетт была полна неожиданностей. Она могла довести своими выходками до бешенства, но в этом и была ее своеобразная прелесть.

– Давай поедem к Кэйдун Калверту и поужинаем у него. Скарлетт говорила, что Кэтлин вернулась домой из Чарльстона. Быть может, она знает какие-нибудь подробности про битву за форт Самтер.

– Это Кэтлин-то? Держу пари, она не знает даже, что этот форт стоит у входа в гавань, и уж подавно ей неизвестно, что там было полным-полно янки, пока мы не выбили их оттуда. У нее на уме одни балы и поклонники, которых она, по-моему, коллекционирует.

– Ну и что? Ее болтовню все равно забавно слушать. И во всяком случае, мы можем переждать там, пока ма не уляжется спать.

– Ладно, черт побери! Я ничего не имею против Кэтлин, она действительно забавная, и всегда интересно послушать, как она рассказывает про Кэро Ретта и всех прочих, кто там в Чарльстоне. Но будь я проклят, если усужу за столом с этой янки – ее мачехой.

– Чего ты так на нее взъелся, Стюарт? Она же полна самых лучших побуждений.

– Я на нее не взъелся – мне ее жалко, а я не люблю людей, которые вызывают во мне жалость. А она уж так хлопочет, так старается, чтобы все было как можно лучше и все чувствовали себя как дома, что непременно скажет что-нибудь невпопад. Она действует мне на нервы! И при этом она ведь считает всех нас, южан, дикарями. Даже прямо так и сказала ма. Она, видите ли, боится южан. Белеет как мел всякий раз при нашем появлении. Ей-богу, она похожа на испуганную курицу, когда сидит на стуле, прямая как палка, моргает блестящими, круглыми от страха глазами, и так и кажется, что вот-вот захлопает крыльями и закудахчет, стоит кому-нибудь пошевелиться.

– Так и неудивительно. Ты же прострелил Кэйдун ногу.

– Я был пьян, иначе не стал бы стрелять, – возразил Стюарт. – И Кэйд не держит на меня зла. Да и Кэтлин, и Рейфорд, и мистер Калверт. Одна только эта их мачеха-северянка подняла крик, что я, дескать, варвар и порядочным людям небезопасно жить среди этих нецивилизованных дикарей-южан.

– Что ж, она по-своему права. Она ведь янки, откуда ей набраться хороших манер. И в конце-то концов, ты же все-таки стрелял в него, а он ее пасынок.

– Да черт подери, разве это причина, чтобы оскорблять меня! А когда Тони Фонтейн всадил пулю тебе в ногу, разве ма поднимала вокруг этого шум? А ведь ты ей не пасынок, как-никак – родной сын. Однако она просто послала за доктором Фонтейном, чтобы он перевязал рану, и спросила – как это Тони угораздило так промахнуться. Верно, он был пьян, сказала она. Помнишь, как взбесился тогда Тони?

И при этом воспоминании оба так и покатались со смеху.

– Да, мать у нас что надо! – с нежностью в голосе заметил Брент. – На нее всегда можно положиться – уж она-то поступит как нужно и не оконфузит тебя в глазах друзей.

– Но похоже, она может здорово оконфузить нас в глазах отца и девчонок, когда мы заявимся сегодня вечером домой, – угрюмо изрек Стюарт. – Знаешь, Брент, сдается мне, ухнула теперь наша поездка в Европу. Ты помнишь, ма сказала: если нас снова вышибут из университета, не видать нам большого турне как своих ушей.

– Ну и черт с ним, верно? Чего мы не видали в Европе? Чем, скажи на милость, могут эти иностранцы похвалиться перед нами, что у них там такое есть, чего нет у нас в Джорджии? Держу пари, что девушки у них не красивее наших и лошади не быстрее, и могу поклясться, что их кукурузному виски далеко до отцовского.

– Эшли Уилкс говорит, что у них потрясающая природа и замечательная музыка. Эшли очень нравится Европа. Он вечно про нее рассказывает.

– Ты же знаешь, что за народ эти Уилксы. Они ведь все прямо помешаны на музыке, на книгах и на красивых пейзажах. Мать говорит – это потому, что их дедушка родом из Виргинии. Она утверждает, что они все там только этим и интересуются.

– Ну и пусть забирают себе все это. А мне дайте резвую лошадь, стакан хорошего вина, порядочную девушку, за которой можно приволокнуться, и не очень порядочную, с которой можно поразвлечься, и забирайте себе вашу Европу, нужна она мне очень... Не пустят нас в это турне – ну и наплевать! Представь себе, что мы сейчас были бы в Европе, а тут, того и гляди, начнется война? Нам бы нипочем не поспеть назад! Чем ехать в Европу, я лучше пойду воевать.

– Да и я, в любую минуту... Слушай, Брент, я знаю, куда нам можно поехать поужинать: дернем-ка прямо через болота к Эйблу Уиндеру и скажем ему, что мы опять дома, все четверо, и в любую минуту готовы стать под ружье.

– Правильно! – с жаром поддержал его Брент. – И там мы уж наверняка узнаем все последние новости об Эскадроне и что они в конце концов решили насчет цвета мундиров.

– А вдруг они подумают нарядить нас, как зуавов? Будь я проклят, если запишусь тогда в их войско! Я же буду чувствовать себя девчонкой в этих широких красных штанах! Они, ей-богу, как две капли воды похожи на женские фланелевые панталоны.

– Да вы никак собрались ехать к мистеру Уиндеру? – вмешался Джимс. – Что ж, езжайте, только не ждите, что вам там добрый ужин подадут. У них кухарка померла, а новой они еще не купили. Стряпает пока одна негритянка с плантации, и мне тамошние негры рассказывали, что такой поганой стряпни не видано нигде во всем белом свете.

– Вот черт! А чего ж они не купят новой поварихи?

– Да откуда у такой нищей белой швали возьмутся деньги покупать себе негров? У них сроду больше четырех рабов не было.

В голосе Джимса звучало нескрываемое презрение. Ведь его хозяевами были Тарлтоны – владельцы сотни негров, и это возвышало его в собственных глазах; подобно многим неграм с крупных плантаций, он смотрел свысока на мелких фермеров, у которых рабов было раз-два и обчелся.

– Я с тебя сейчас шкуру за эти слова спущу! – вскричал взбешенный Стюарт. – Да как ты смеешь называть Эйбла Уиндера «нищей белой швалью»? Конечно, он беден, но вовсе не шваль, и я, черт побери, не позволю никому, ни черному, ни белому, отзываться о нем дурно. Он – лучший человек в графстве, иначе его не произвели бы в лейтенанты.

– Во-во, я и сам диву даюсь, – совершенно невозмутимо отвечал Джимс. – По мне, так им бы надоть избрать себе офицеров из тех, кто побогаче, а не какую попало шваль.

– Он не шваль. Ты не равняй его с такой, к примеру, швалью, как Слэттери. Эйбл, правда, небогат. Он не крупный плантатор, просто маленький фермер, и если ребята сочли его достойным чина лейтенанта, не твоего ума дело судить об этом, черномазый. В Эскадроне знают, что делают.

Кавалерийский эскадрон был создан три месяца назад, в тот самый день, когда Джорджия откололась от Союза Штатов, и сразу же начался призыв волонтеров. Новая войсковая часть еще не получила никакого наименования, но отнюдь не из-за отсутствия предложений. У каждого было наготове свое, и никто не желал от него отказываться. Точно такие же споры разгорелись и по вопросу о цвете и форме обмундирования. «Клейтонские тигры», «Пожиратели огня», «Гусары Северной Джорджии», «Зуавы», «Территориальные винтовки» (последнее – невзирая на то, что кавалерию предполагалось вооружить пистолетами, саблями и охотничьими ножами, а вовсе не винтовками), «Клейтонские драгуны», «Кровавые громовержцы», «Молниеносные и беспощадные» – каждое из этих наименований имело своих приверженцев. А пока вопрос оставался открытым, все называли новое формирование просто Эскадроном, и так оно и просуществовало до самого конца, хотя впоследствии ему и было присвоено некое весьма пышное наименование.

Офицеры избирались самими волонтерами, ибо, кроме некоторых ветеранов Мексиканской и Семинольской кампаний, никто во всем графстве не обладал ни малейшим военным опытом, а подчиняться приказам ветеранов, если они не вызывали к себе личной симпатии и доверия, ни у кого не было охоты. Четверо тарлтонских юношей были всем очень по сердцу так же, как и трое молодых Фонтейнов, но, к общему прискорбию, за них не пожелали голосовать, ибо Тарлтоны легко напивались и были буйны во хмелю, а Фонтейны вообще отличались вспыльчивым нравом и слыли отчаянными головорезами. Эшли Уилксу присвоили звание капитана, поскольку он был лучшим наездником графства, а его хладнокровие и выдержка могли обеспечить некое подобие порядка в рядах Эскадрона. Рейфорд Калверт был назначен старшим лейтенантом, потому что Рейфа любили все, а звание лейтенанта получил Эйбл Уиндер, сын старого траппера и сам владелец небольшой фермы.

Эйбл был огромный здоровяк, старше всех в Эскадроне по возрасту, добросердечный, не шибко образованный, но умный, смекалистый и весьма галантный в обращении с дамами. Дух снобизма был Эскадрону чужд. Ведь в его составе насчитывалось немало таких, чьи отцы и деды нажили свое состояние, начав с обработки небольшого фермерского участка. А Эйбл был лучшим стрелком в Эскадроне, непревзойденно метким стрелком – попадал в глаз белке с расстояния в семьдесят пять ярдов, – и к тому же знал толк в бивачной жизни: был отличным следопытом, умел разжечь костер под проливным дождем и найти ключевую воду. Эскадрон оценил его по заслугам, он пришелся всем по душе, и его сделали офицером. Он принял оказанную ему честь с достоинством и без излишнего зазнайства – просто как положенное. Однако жены и рабы плантаторов, в отличие от своих мужей и хозяев, не могли забыть, что Эйбл Уиндер выходец из низов.

На первых порах в Эскадрон набирали только сыновей плантаторов, это было подразделение джентльменов, и каждый вступал в него со своим конем, собственным оружием, обмундированием, прочей экипировкой и слугой-рабом. Но в молодом графстве Клейтон богатых плантаторов было не так-то много, и для того чтобы сформировать полноценную войсковую единицу, возникла необходимость набирать волонтеров среди сыновей мелких фермеров, трапперов, охотников за пушным зверем и болотной дичью, а в отдельных редких случаях – даже из числа белых бедняков, если они по личным достоинствам несколько возвышались над своим сословием.

Эти молодые люди так же, как и их богатые соотечественники, горели желанием сразиться с янки, если война все же начнется, – но тут возникал деликатный вопрос денежных расходов. Редко кто из мелких фермеров имел лошадей. Они возделывали свою землю на мулах, да и в этих животных у них не было излишка – в лучшем случае две-три пары. Пожертвовать своими мулами для военных нужд они не могли, даже если бы в Эскадроне возникла потребность в мулах, чего, разумеется, никак не могло произойти. А белые бедняки почитали себя на вершине благоденствия, если имели хотя бы одного мула. Что же до охотников и трапперов, то у тех и подавно не было ни лошадей, ни мулов. Они питались тем, что приносил им их клочок земли, или подстреленной дичью, а также за счет простого товарообмена; пятидолларовая бумажка раз в году являлась большой редкостью в их руках, и ни о каких лошадях и мундирах им не приходилось и помышлять. Однако они в своей бедности были столь же непреклонно горды, как плантаторы в своем богатстве, и никогда не приняли бы от богатых соседей никакой подачки, ничего хотя бы отдаленно смахивающего на милостыню. А посему, дабы сформировать Эскадрон, не уязвляя при этом ничьего самолюбия, отец Скарлетт, Джон Уилкс, Бак Манро, Джим Тарлтон, Хью Калверт и другие, а в сущности, каждый крупный плантатор графства, за исключением одного только Энгуса Макинтоша, выложили денежки на экипировку и лошадей для Эскадрона. В конечном счете каждый плантатор согласился внести деньги на экипировку своих сыновей и еще некоторого количества чужих молодцов, но все это было облечено в такую форму, что менее имущие члены Эскадрона могли получить обмундирование и лошадь без малейшего ущемления своей гордости.

Дважды в неделю Эскадрон собирался в Джонсборо – проходить строевую подготовку и молить бога, чтобы поскорее началась война. Нехватка в лошадях еще была, но те, кто уже сидел в седле, проводили – как это им представлялось – кавалерийские маневры в поле позади здания суда, поднимая облака пыли, надрывая глотки до хрипоты и размахивая саблями времен Войны за независимость, снятыми со стен гостиных или кабинетов. Те же, кто еще не обзавелся конем, сидели на приступочке перед лавкой Булларда, наблюдали за своими гарцующими на лошадях товарищами по оружию, жевали табак и делились слухами. А порой составлялись в стрельбе. Особой нужды в обучении этих парней стрельбе не возникало. Большинство южан приобщались к огнестрельному оружию чуть не с колыбели, а повседневная охота на всевозможную дичь сделала каждого из них метким стрелком.

Самые разнообразные виды огнестрельного оружия поступали из домов плантаторов и хижин трапперов всякий раз, как Эскадрон объявлял сбор. Длинноствольные ружья для охоты на белок, бывшие в ходу еще в те годы, когда поселенцы впервые перевалили за Аллеганы; старые, заряжающиеся с дула мушкеты, имевшие на своем счету немало индейских душ во времена освоения Джорджии; кавалерийские пистолеты, сослужившие службу в 1812 году в стычках с индейским племенем семинолов и в Мексиканской войне; дуэльные пистолеты с серебряной насечкой; короткоствольные крупнокалиберные пистолеты; охотничьи двустволки и красивые новые винтовки английской выделки с блестящими отполированными ложами из благородных пород дерева.

Обучение всегда заканчивалось в салунах Джонсборо, и к наступлению ночи вспыхивало столько драк, что офицеры были бессильны уговорить своих сограждан не наносить друг другу

увечья – подождать, пока это сделают янки. В одной из таких стычек и всадил Стюарт Тарлтон пулю в Кэйда Калверта, а Тони Фонтейн – в Брента. В те дни, когда формировался Эскадрон, близнецы, только что изгнанные из Виргинского университета, возвратились домой и с воодушевлением завербовались в его ряды. Однако после упомянутой перестрелки, два месяца назад, их матушка снова отправила своих молодцов в университет – на этот раз в Джорджии, – с приказом: оттуда ни шагу. Пребывая там, они, к великому огорчению, пропустили радости и волнения учебных сборов и теперь сочли, что университетским образованием вполне можно пожертвовать ради удовольствия скакать верхом, стрелять и драть глотку в компании приятелей.

– Ладно, поехали к Эйблу, – решил Брент. – Мы можем переправиться через реку вброд во владениях мистера О’Хара, а потом в два счета доберемся туда через фонтейновские луга.

– Только не ждите, что вас там чем-нибудь накормят, кроме жаркого из опоссума и бобов, – бубнил свое Джимс.

– А ты вообще не получишь ничего, – усмехнулся Стюарт. – Потому как ты сейчас отправишься к ма и скажешь ей, чтоб нас не ждали к ужину.

– Ой нет, не поеду! – в ужасе вскричал Джимс. – Не поеду, и все! Больно-то мне надо, чтоб хозяйка с меня, вместо вас, шкуру спустила! Перво-наперво она спросит, как это я недоглядел, что вас опять из ученья выперли. А потом я буду виноват, что вы сейчас из дома улизнули и она не может дать вам взбучку. Вот тут она и начнет меня трепать, как утка дождевого червя, и я один стану за все в ответе. Нет уж, ежели вы не возьмете меня с собой к мистеру Уиндеру, я убегу в лес, схоронюсь там на всю ночь, и пускай меня забирает патруль – все лучше, чем попасться хозяйке под горячую руку.

Близнецы негодуя и растерянно поглядели на исполненного решимости чернокожего мальчишку.

– С этого идиота и вправду хватит нарваться на патруль, и тогда ма не успокоится еще неделю. Честное слово, с этими черномазыми одна морока. Иной раз мне кажется, что аболиционисты не так-то уж и плохо придумали.

– Нечестно, если на то пошло, заставлять Джимса расплачиваться за нас. Придется взять его с собой. Но слушай, ты, черномазый негодник, посмей только задирать нос перед тамошними неграми и хвалиться, что у нас жарят цыплят и запекают окорока, в то время как они питаются только кроликами да опоссумами, и я... Я пожалуюсь на тебя ма. И мы не возьмем тебя с собой на войну.

– Задирать нос? Чтоб я стал задирать нос перед этими нищими неграми? Нет, сэр, я не так воспитан. Миссис Беатриса научила меня по части хороших манер, почитай что не хуже вас умею.

– Ну, в этом деле она не слишком-то преуспела – что с нами, что с тобой, – сказал Стюарт. – Ладно, поехали.

Он осадил своего крупного гнедого жеребца, а затем, дав ему шпоры, легко поднял над редкой изгородью из жердей и пустил по вспаханному полю Джералда О’Хара. Брент послал свою лошадь за гнедым жеребцом, а следом за юношами перемахнул через изгородь и Джимс, прильнув к луке и вцепившись в гриву. Джимс не испытывал ни малейшей охоты перепрыгивать через изгороди, но ему приходилось брать и более высокие препятствия, дабы не отставать от своих хозяев.

В сгуставшихся сумерках они поскакали по красным бороздам пашни и, спустившись с холма, уже приближались к реке, когда Брент крикнул брату:

– Послушай, Стю, а ведь, что ни говори, Скарлетт должна была бы пригласить нас поужинать?

– Да я все время об этом думаю! – крикнул в ответ Стюарт. – Ну а почему, как ты полагаешь?..

Глава 2

Когда близнецы ускакали и стук копыт замер вдали, Скарлетт, в оцепенении стоявшая на крыльце, повернулась и, словно сомнамбула, направилась обратно к покинутому креслу. Она так старалась ничем не выдать своих чувств, что лицо у нее от напряжения странно онемело, а на губах еще дрожала вымученная улыбка. Она тяжело опустилась в кресло, поджав под себя одну ногу и чувствуя, как сердцу становится тесно в груди от раздиравшего его горя. Она болезненно ощущала его короткие частые толчки и свои странно заледеневшие ладони, и чувство ужасного, непоправимого несчастья овладело всем ее существом. Боль и растерянность были написаны на ее лице – растерянность избалованного ребенка, привыкшего немедленно получать все, чего ни попросит, и теперь впервые столкнувшегося с неведомой еще теневой стороной жизни.

Эшли женится на Мелани Гамильтон!

Нет, это неправда! Близнецы что-то напутали. Или, как всегда, разыгрывают ее. Не может, не может Эшли любить Мелани. Да и кто полюбит этого бесцветного мышонка! Скарлетт с инстинктивным презрением и сознанием своего превосходства воскресила в памяти тоненькую детскую фигурку Мелани, ее серьезное личико, напоминающее своим овалом сердечко, – такое простенькое, что его можно было даже назвать некрасивым. К тому же Эшли не виделся с ней месяцами. После тех танцев в прошлом году в Двенадцати Дубах он был в Атланте не более двух раз. Нет, Эшли не любит Мелани, потому что... – вот тут уж она никак не может ошибаться – потому что он влюблен в нее, в Скарлетт! Он любит ее – это-то она знает твердо!

Скарлетт услышала, как под тяжелой поступью Мамушки в холле задрожал пол, и, поспешно выпростав из-под себя ногу, постаралась придать лицу насколько возможно безмятежное выражение. Ни под каким видом нельзя допустить, чтобы Мамушка заподозрила что-то неладное. Мамушка считала всех О'Хара своей непререкаемой собственностью, принадлежащей ей со всеми потрохами, со всеми мыслями и чувствами, и полагала, что у них не может быть от нее секретов, а потому малейшего намека на какую-либо тайну достаточно было, чтобы пустить ее по следу – неутомимую и беспощадную, словно гончая. Скарлетт по опыту знала: если только любопытство Мамушки не будет немедленно удовлетворено, она тут же побежит к хозяйке, и тогда хочешь не хочешь придется во всем признаваться или придумывать какую-нибудь более или менее правдоподобную историю.

Мамушка выплыла из холла. Эта пожилая негритянка необъятных размеров с маленькими, умными, как у слона, глазками и черной лоснящейся кожей чистокровной африканки была душой и телом предана семейству О'Хара и являлась главным оплотом хозяйки дома, грозой всех слуг и нередко причиной слез трех хозяйских дочек. Да, кожа у Мамушки была черная, но по части понятия о хороших манерах и чувства собственного достоинства она ничуть не уступала белым господам. Она росла и воспитывалась в спальне Соланж Робийяр, матери Эллин О'Хара, – изящной, невозмутимой, высокомерной француженки, одинаково жестко каравшей как детей своих, так и слуг за малейшее нарушение приличий. Будучи приставлена к Эллин, Мамушка, когда Эллин вышла замуж, прибыла вместе с ней из Саванны в Северную Джорджию. Кого люблю, того уму-разуму учу – было для Мамушки законом, а поскольку она и любила Скарлетт, и гордилась ею безмерно, то и учить ее уму-разуму не уставала никогда.

– А где же жентмуны – никак, уехали? Как же вы не пригласили их отужинать, мисс Скарлетт? Я уже велела Порку поставить два лишних прибора. Где ваши манеры, мисс?

– Ах, мне так надоело слушать про войну, что я просто была не в состоянии терпеть эту пытку еще и за ужином. А там, глядишь, и папа присоединился бы к ним и ну громить Линкольна.

– Вы ведете себя не лучше любой негритянки с плантации, мисс, и это после всех-то наших с вашей маменькой трудов! Да еще сидите тут на ветру без шали! Сколько раз я вам толковала и толковала – попомните мое слово, схватите лихорадку, ежели будете сидеть ввечеру с голыми плечами. Марш в дом, мисс Скарлетт!

Скарлетт с деланным безразличием отвернулась от Мамушки, радуясь, что та, озабоченная отсутствием шали, не заметила ее расстроенного лица.

– Не хочу. Я посижу здесь, полюбуюсь на закат. Он так красив. Пожалуйста, Мамушка, принеси мне шаль, а я подожду здесь папу.

– Да вы, похоже, уже простыли – голос-то какой хриплый, – еще пуще забеспокоилась Мамушка.

– Вовсе нет, – досадливо промолвила Скарлетт. – Принеси мне шаль.

Мамушка заковыляла обратно в холл, и до Скарлетт долетел ее густой голос – звавший одну из горничных, прислуживавших на верхнем этаже.

– Эй, Роза! Сбрось-ка мне сюда шаль мисс Скарлетт! – Затем последовал еще более громкий возглас: – Вот безмозглое создание! Ну чтоб хоть раз был от нее какой-то прок! Нет, видать, придется самой лезть наверх!

Скарлетт услышала, как застонали ступеньки лестницы, и тихонько поднялась с кресла. Сейчас вернется Мамушка и снова примется отчитывать ее за нарушение правил гостеприимства, а Скарлетт чувствовала, что не в силах выслушивать весь этот вздор, когда сердце у нее рвется на части. Она стояла в нерешительности, раздумывая, куда бы ей укрыться, пока не утихнет немного боль в груди, и тут ее осенила неожиданная мысль, и впереди сразу забрезжил луч надежды. Отец уехал после обеда в Двенадцать Дубов с намерением откупить у них Дилси – жену Порка, его лакея. Дилси была повивальной бабкой в Двенадцати Дубах и старшей над прислугой, и Порк денно и ночью изводил хозяина просьбами откупить Дилси, чтобы они могли жить вместе на одной плантации. Сегодня Джералд, сдавшись на его мольбы, отправился предлагать выкуп за Дилси.

«Ну конечно же, – думала Скарлетт, – если это ужасное известие – правда, то папа уж непременно должен знать. Ему, разумеется, могут ничего и не сказать, но он сам заметит, если там, у Уилксов, происходит что-то необычное и все чем-то взволнованы. Мне бы только увидаться с ним с глазу на глаз до ужина, и я все разужнаю – быть может, просто эти паршивцы-близнецы снова меня разыгрывают».

Джералд с минуты на минуту должен был возвратиться домой. Значит, чтобы увидеть отца без свидетелей, надо перехватить его, когда он будет сворачивать с дороги на подъездную аллею. Скарлетт неслышно спустилась по ступенькам крыльца, оглядываясь через плечо – не следит ли за ней Мамушка из верхних окон. Не обнаружив за колеблемыми ветром занавесками широкого черного лица в белоснежном чепце и укоряющих глаз, Скарлетт решительным жестом подобрала подол своей цветастой зеленой юбки, и ее маленькие ножки в туфлях без каблуков, перехваченные крест-накрест лентами, быстро замелькали по тропинке, ведущей к подъездной аллее.

Темноголовые кедры, сплетаясь ветвями, превратили длинную, посыпанную гравием аллею в некое подобие сумрачного туннеля. Укрывшись от глаз под надежной защитой их узловатых рук, Скарлетт умерила шаг. Она с трудом переводила дыхание из-за туго затянутого корсета; бежать она не могла, но шла все же очень быстро. Вскоре она достигла конца подъездной аллеи и вышла на дорогу, но продолжала идти вперед, пока за поворотом высокие деревья не скрыли из виду усадебного дома.

Раскрасневшаяся, запыхавшаяся, она присела на поваленное дерево и стала ждать отца. Он запаздывал, но она была этому даже рада. Есть время успокоиться, отдышаться и встретить его с безмятежным видом, не возбуждая подозрений. Еще минута, и до нее долетит стук подков и она увидит: вон он бешеным, как всегда, галопом гонит коня вверх по крутому откосу. Но

минуты бежали одна за другой, а Джералд не появлялся. В ожидании его она смотрела вниз с холма, и сердце у нее снова заныло.

«Нет, неправда это! – убеждала себя она. – Но почему он не едет?»

Она смотрела на вьющуюся по склону холма дорогу, багрово-красную после утреннего дождя, и мысленно прослеживала ее всю, вплоть до илистой поймы ленивой реки Флинт, и дальше вверх по холму до Двенадцати Дубов – усадьбы Эшли. Теперь в ее глазах эта дорога имела только одно значение – она вела к Эшли, к красивому дому с белыми колоннами, венчавшему холм наподобие греческого храма.

«Ах, Эшли, Эшли!» – беззвучно воскликнула она, и сердце ее заколотилось еще сильнее.

Холодное, тревожное предчувствие беды, не перестававшее терзать ее с той минуты, как близнецы принесли страшную весть, вдруг ушло куда-то в глубь сознания, будучи вытеснено уже знакомым лихорадочным жаром, томившим ее на протяжении последних двух лет.

Теперь ей казалось странным, что Эшли, вместе с которым она росла, никогда прежде не привлекал к себе ее внимания. Он появлялся и исчезал, ни на минуту не занимая собой ее мыслей. И так было до того памятного дня, два года назад, когда он, возвратясь домой после своего трехгодичного путешествия по Европе, приехал к ним с визитом, и она полюбила его. Вот так вдруг полюбила, и все!

Она стояла на ступеньках крыльца, а он – в сером костюме из тонкого блестящего сукна, с широким черным галстуком, подчеркивавшим белизну его плюеной сорочки, – внезапно появился на подъездной аллее верхом на лошади. Она помнила все до мельчайших деталей: блеск его сапог, камею с головой медузы в булавке, которой был заколот галстук, широкополую панаму, стремительным жестом снятую с головы, как только он увидел ее, Скарлетт. Он спешился, бросил поводья негритенку и стал, глядя на нее; солнце играло в его белокурых волосах, превращая их в серебряный шлем, и его мечтательные серые глаза улыбались ей. Он сказал: «О, вы стали совсем взрослой, Скарлетт!» И, легко взбежав по ступенькам, поцеловал ей руку. Ах, этот голос! Никогда не забыть ей, как забилося ее сердце при звуках этого медлительного, глубокого, певучего, как музыка, голоса. Так забилося, словно она слышала его впервые.

И в этот самый миг в ней вспыхнуло желание. Она захотела, чтобы он принадлежал ей, захотела не рассуждая, так же естественно и просто, как хотела иметь еду, чтобы утолять голод, лошадь, чтобы скакать верхом, мягкую постель, чтобы на ней покоиться.

Два года он сопровождал ее на балы и на теннисные матчи, на рыбную ловлю и на пикники, разъезжал с ней по всей округе, хотя и не столь часто, как братья-близнецы Тарлтоны или Кэйд Калверт, и не был столь назойлив, как братья Фонтейны, и все же ни одна неделя не проходила без того, чтобы Эшли Уилкс не появился в поместье Тара.

Правда, он никогда не домогался ее любви и в его ясном сером взоре никогда не вспыхивало того пламени, которое она привыкла подмечать в обращенных на нее взглядах других мужчин. И все же... все же... она знала, что он любит ее. Тут она ошибиться не могла. Ей говорил это ее инстинкт – тот, что проникательнее рассудка и мудрее жизненного опыта. Часто она исподтишка ловила на себе его взгляд, в котором не было присущей ему отрешенности, а какая-то неутоленность и загадочная для нее печаль. Она знала, что Эшли любит ее. Так почему же он молчал? Этого она понять не могла. Впрочем, она многого в нем не понимала.

Он всегда был безупречно внимателен к ней – но как-то сдержанно, как-то отчужденно. Никто, казалось, не мог проникнуть в его мысли, а уж Скарлетт и подавно. Эта его сдержанность всех выводила из себя – ведь здесь все привыкли сразу выпаливать первое, что приходило на ум. В любых традиционных развлечениях местной молодежи Эшли никому не уступал ни в чем: он был одинаково ловок и искусен и на охоте, и на балу, и за карточным столом, и в политическом споре, и считался, притом бесспорно, первым наездником графства. Но одна особенность отличала Эшли от всех его сверстников: эти приятные занятия не были смыслом

и содержанием его жизни. А в своем увлечении книгами, музыкой и писанием стихов он был совершенно одинок.

О боже, почему же этот красивый белокурый юноша, такой изысканно, но холодно-учтивый, такой нестерпимо скучный со своими вечными разглагольствованиями о европейских странах, о книгах, о музыке, о поэзии и прочих совершенно неинтересных вещах, был столь притягателен для нее? Вечер за вечером Скарлетт, просидев с Эшли в сумерках на крыльце допоздна, долго не могла потом сомкнуть глаз и находила успокоение лишь при мысли о том, что в следующий вечер он, несомненно, сделает ей предложение. Но вот наступал следующий вечер, а за ним еще следующий, и все оставалось по-прежнему. А сжигавшее ее пламя разгоралось все жарче.

Она любила его и желала, но он был для нее загадкой. Все в жизни представлялось ей непреложным и простым – как ветры, дующие над плантацией, как желтая река, омывающая холм. Все сложное было ей чуждо и непонятно, и такой суждено ей было оставаться до конца дней своих. А сейчас впервые судьба столкнула ее лицом к лицу с натурой несравненно более сложной, чем она.

Ибо Эшли был из рода мечтателей – потомок людей, из поколения в поколение посвящавших свой досуг раздумьям, а не действиям, упивавшихся радужными грезами, не имевшими ничего общего с действительностью. Он жил, довольствуясь своим внутренним миром, еще более прекрасным, на его взгляд, чем Джорджия, и лишь нехотя возвращался к реальной действительности. Взирая на людей, он не испытывал к ним ни влечения, ни антипатии. Взирая на жизнь, он не омрачался и не ликовал. Он принимал существующий миропорядок и свое место в нем как нечто данное, раз и навсегда установленное, пожимал плечами и возвращался в другой, лучший мир – к своим книгам и музыке.

Скарлетт не понимала, как мог он, чья душа была для нее потемки, околдовать ее. Окружавший его ореол тайны возбуждал ее любопытство, как дверь, к которой нет ключа. Все, что было в нем загадочного, заставляло ее лишь упорнее тянуться к нему, а его необычная сдержанная обходительность лишь укрепляла ее решимость полностью им завладеть. Она была молода, избалованна, она еще не знала поражений и ни секунды не сомневалась в том, что рано или поздно Эшли попросит ее стать его женой. И вдруг как гром среди ясного неба – эта ужасная весть. Эшли сделал предложение Мелани! Да нет, не может быть!

Как же так! Ведь не далее как на прошлой неделе, когда они в сумерках возвращались верхом с прогулки, он неожиданно произнес: «Мне нужно сказать вам нечто очень важное, Скарлетт, но я просто не знаю, с чего начать».

У нее бешено заколотилось сердце от сладкого предчувствия, и, понимая, что желанный миг наконец настал, она скромно опустила глаза, но тут Эшли прибавил: «Впрочем, нет, не сейчас. Мы уже почти дома, у нас не будет времени на разговор. Ах, какой же я трус, Скарлетт!» И, прищпорив коня, он следом за ней взлетел на холм, к усадьбе.

Сидя на поваленном дереве, Скарлетт вспомнила эти слова, переполнившие ее тогда такой радостью, и внезапно они обрели для нее совсем иной, ужасный смысл. А может быть, он просто хотел сообщить, что обручен с другой?

Господи! Хоть бы папа вернулся! Она не в силах была больше выносить это состояние неизвестности. Снова и снова нетерпеливо вглядывалась она в даль, но все было напрасно.

Солнце уже закатилось, и багряный край небес поблек, став тускло-розовым; лазурь над головой постепенно окрашивалась в нежные, зеленовато-голубые, как яйцо зорьки, тона, и таинственная сумеречная тишь природы неслышно обступала Скарлетт со всех сторон. Призрачный полумрак окутывал землю. Красные борозды пахоты и красная лента дороги, утратив свой зловеще-кровавый оттенок, превратились в обыкновенную бурую землю. На выгоне, по ту сторону дороги, лошади, коровы и мулы тихо стояли возле изгороди в ожидании, когда их

погонят к конюшням, коровникам и к ужину. Их пугал темный силуэт зарослей вдоль реки, и они прядали ушами в сторону Скарлетт, словно радуясь соседству человека.

В этом призрачном полумраке высокие сосны в пойме реки, такие сочно-зеленые при свете дня, казались совершенно черными на блеклой постели неба – могучие, величественные гиганты, они стояли сомкнутым строем, преграждая доступ к неспешно бегущей желтой воде. Белые трубы усадьбы Уилксов на том берегу реки, на холме, меркли все больше среди густой темной зелени дубов, и только мерцавшие кое-где огоньки зажженных к ужину ламп манили на ночлег.

Влажное, теплое дыхание весны, напоенное запахом свежевспаханной земли и молодых, рвущихся к небу побегов, сладко обволакивало Скарлетт.

Весна, закаты, нежно-зеленая поросль никогда не пробуждали в душе Скарлетт ощущения чуда. Прекрасное было повседневностью, частицей жизни, как воздух, как вода. Ее сознание было восприимчиво к красоте лишь вполне конкретных, осязаемых предметов – породистых лошадей, женских лиц, нарядных одеяний... И все же торжественная тишина этих сумерек, спустившихся на возделанные земли Тары, принесла успокоение ее взбаламученной душе. Она любила эту землю – любила безотчетно и беззаветно, как любила лицо матери, склоненное в молитве при свете лампы.

А Джералда все еще не было видно на безлюдной извилистой дороге. Если сидеть здесь и ждать, Мамушка, без сомнения, отыщет ее и прогонит в дом. Продолжая вглядываться в уходящую во мрак дорогу, она вдруг услышала стук копыт, долетевший от подножия холма со стороны выгона, и увидела разбегающихся в страхе коров и лошадей. Джералд О'Хара возвращался домой напрямик через поля и гнал коня во весь опор.

Он взлетел на холм на своем плотном, длинноногом гунтере, похожий издали на мальчишку, оседлавшего коня себе не по росту. Седые волосы его стлались на скаку по ветру, он стегал лошадь хлыстом и понукал криком.

Забыв на мгновение о с недавней ее тревоге, Скарлетт с гордостью и нежностью любовалась отцом, ибо, что ни говори, а Джералд О'Хара был лихим наездником.

«Стоит ему выпить, и его тут же понесет махать через изгороди, – подумала Скарлетт. – А ведь как раз на этом месте в прошлом году он вылетел из седла и сломал ногу. Хороший вроде бы получил урок. Да еще клятвенно обещал маме прекратить эти штуки».

Скарлетт не испытывала ни малейшего страха перед отцом. Он был как бы ее сверстником – даже больше, чем сестры, – ведь Джералд, словно мальчишка, любил втайне от жены скакать по полям напрямик, а Скарлетт – тоже большая охотница до всяких эскапад – была его верной союзницей против Мамушки. Она поднялась с дерева – поглядеть, как он будет прыгать.

Высокий жеребец приблизился к ограде и, подобравшись, без малейшего, казалось, усилия взял препятствие под ликующие возгласы седовласого всадника, махавшего в воздухе хлыстом. Не замечая дочери, стоявшей в тени под деревьями, Джералд одобрительно потрепал лошадь по холке и свернул на дорогу.

– Любому коню в округе дашь сто очков, а может, и во всем штате, – гордо поведал он своему жеребцу, и ирландский акцент, от которого ему так и не удалось избавиться за все тридцать девять лет жизни в Америке, отчетливо прозвучал в его речи. Затем он поспешно принялся приглаживать волосы и оправлять мятую, выбившуюся из-за пояса сорочку и съехавший набок галстук. Скарлетт понимала, что эти прихорашивания нужны для того, чтобы предстать перед женой в таком виде, какой подобает джентльмену, степенно возвратившемуся домой верхом после визита к соседям. И тут же она сообразила, что это дает ей повод начать разговор, не открывая истинной цели своего появления здесь.

Она звонко рассмеялась. Джералд, как она и ожидала, вздрогнул от неожиданности, затем увидел ее и придержал жеребца; вид у него сделался сконфуженный и вместе с тем вызываю-

щий. Он спешил с трудом – поврежденное колено еще давало о себе знать – и, ведя лошадь в поводу, направился к дочери.

– Так-так, мисс, – сказал он и ущипнул ее за щеку, – вы, значит, взялись шпионить за мной и, совсем как ваша сестрица Сьюлин на прошлой неделе, побежите жаловаться маменьке?

Голос его звучал негодуя и в то же время жалобно, и Скарлетт, желая немного подразнить его, насмешливо прищелкнула языком и потянулась поправить ему галстук. На нее пахло крепким запахом виски и более слабым – свежей мяты. И еще пахло жевательным табаком, кожей и лошадьми. Этот с детства любимый запах был всегда связан в ее представлении с отцом, но безотчетно нравился ей и как принадлежность других мужчин.

– Нет, па, я же не ябеда вроде Сьюлин, – заверила она отца и, отступив на шаг, окинула его оценивающим взглядом, дабы удостовериться, что все в порядке.

Джералд был невысок ростом – чуть больше пяти футов, – но обладал таким массивным торсом и могучей шеей, что сидя производил впечатление крупного мужчины. Этот могучий торс держался на двух коротких, но чрезвычайно крепких ногах, неизменно обутых в сапоги из самой лучшей кожи и столь же неизменно широко расставленных, как у задиристого мальчишки. Низкорослые мужчины обычно кажутся немного смешными, если начинают пыжиться и напускать на себя важность, но бойцовский петух, даже если он мал, всегда пользуется уважением на птичьем дворе, и то же самое можно было сказать о Джералде О’Хара. Ни одному самому отчаянному смельчаку не пришлось бы в голову отозваться о Джералде О’Хара как о смешном маленьком коротышке.

Ему уже стукнуло шестьдесят, и его жесткие курчавые волосы выбелила и посеребрила седина, но на лукавом лице этого жизнелюбца еще не обозначилось морщин, а небольшие голубые глаза были по-прежнему молоды и взгляд юношески безмятежен и тверд, ибо Джералд О’Хара не привык терзать свой мозг отвлеченными проблемами, выходящими за пределы целесообразности прикупа или блефа при игре в покер. И более типичную ирландскую физиономию – широкоскулую, краснощекую, большеротую, курносую и воинственную – не так-то легко было бы сыскать на всем пространстве его далекой, давно покинутой родины.

А под этой холерической внешностью скрывалось нежнейшее из сердец. Вопли раба, получавшего, быть может, и заслуженную порку, детский плач или жалобное мяуканье котенка были невыносимы для его ушей. Но пуще всего на свете он страшился, как бы эта его слабость не была кем-нибудь подмечена, и даже не подозревал, что через пять минут знакомства с ним его доброта бросалась в глаза каждому: такое открытие нанесло бы самолюбию Джералда чувствительнейший удар. Ведь ему казалось, что, заслышав громовые раскаты голоса хозяина, все, трясаясь от страха, опрометью бросаются исполнять его волю. Он был далек от мысли о том, что только одному голосу – негромкому голосу его жены – повиновалось все в поместье. Это должно было навеки остаться для него тайной, ибо все, начиная с Эллин и кончая самым тупым негрятенком, были участниками безмолвного деликатного заговора: хозяин должен считать, что здесь его слово – закон.

А уж Скарлетт бурные вспышки его гнева не пугали и подавно. Она была старшей из детей Джералда, и теперь, когда трое его сыновей лежали в могилах на семейном кладбище и стало очевидно, что он уже не будет иметь наследника, у него мало-помалу образовалась привычка беседовать со Скарлетт как мужчина с женщиной, что весьма льстило ее тщеславию, и она полюбила эти беседы. Скарлетт больше походила характером на отца, чем ее сестры – мечтательная, хрупкая Кэррин, в крещении Кэролайн-Айрин, и изящная Сьюлин, крещенная Сьюзен-Элино́р, чрезвычайно гордившаяся своими аристократическими манерами.

Более того – Джералда и Скарлетт связывали узы взаимного укрывательства. Если Джералд ловил Скарлетт на месте преступления, когда она, лениясь прогуляться полмили до ворот, перелезала через ограду или засиживалась допоздна на ступеньках крыльца с очередным поклонником, он самолично яростно отчитывал ее, но никогда не сообщал об этом ни Эллин,

ни Мамушке. Если же Скарлетт видела, что отец, невзирая на данное жене обещание, скачет верхом через изгороди, или ненароком узнавала от местных кумушек подлинную сумму его карточного проигрыша, она, в свою очередь, тоже воздерживалась за ужином от упоминания об этих его провинностях, не в пример Сьюлин, выдававшей его секреты с делано невинным видом. Джералд и Скарлетт торжественно заверяли друг друга, что все эти мелочи только зря взволновали бы Эллин и посему никакая сила на свете не заставит их ранить ее нежные чувства.

Скарлетт, вглядываясь в смутно различимое в меркнувшем свете лицо отца, безотчетно почувствовала себя увереннее от его близости. Его грубоватая простота, исходившая от него жизненная сила находили в ней живой отклик. Будучи от природы совершенно неспособной к самоанализу, она не отдавала себе отчета в том, что те же свойства присущи и ей, несмотря на все усилия Эллин и Мамушки, пытавшихся на протяжении шестнадцати лет перекроить ее на свой лад.

– Ну, теперь у вас вполне благопристойный вид, – сказала она, – и если вы будете держать язык за зубами, никто не заподозрит, что вы опять откалывали свои номера. Хотя, после того как вы в прошлом году сломали ногу, прыгая через эту самую изгородь, мне кажется...

– Не хватало еще, черт побери, чтобы я получал указания от дочери, через что мне дозволено прыгать, – загремел Джералд, снова ущипнув ее за щеку. – Моя шея, надо полагать, это моя шея, и только моя. А вот что вы, мисс, делаете здесь, да еще в таком виде, без шали?

Понимая, что отец пользуется своим излюбленным способом, чтобы увильнуть от неприятного разговора, Скарлетт сказала, беря его под руку:

– Я дожидалась вас. Я же не знала, что вы так задержитесь. Мне хотелось узнать, удалось ли вам купить Дилси.

– Купил, купил. Отвалил за нее больше денег, чем мне по карману. И ее купил, и эту ее девчонку, Присси. Джон Уилкс хотел мне их подарить, но Джералд О'Хара никогда не допустит, чтобы про него говорили, будто он способен использовать дружбу в корыстных целях при заключении торговой сделки. Я заставил Джона взять с меня за них три тысячи.

– Боже милостивый, неужели три тысячи, папа! И совершенно ни к чему было покупать еще и Присси!

– Вот как! Оказывается, я уже дожил до того, что мои поступки выносятся теперь на суд моей дочери? – высокопарно изрек Джералд. – Присси – славная девчушка, и посему...

– Я прекрасно ее знаю. Хитрое, глупое создание, – спокойно стояла на своем Скарлетт, нимало не испугавшись взрыва его негодования. – И купили вы ее только потому, что об этом просила Дилси.

Очередной раз уличенный в добром поступке, Джералд, как всегда, смутился и обескураженно умолк, а Скарлетт откровенно рассмеялась над его бесхитростной ложью.

– Ну и что с того? А какой был бы толк покупать Дилси, если бы она все время убивалась из-за дочки? Ладно, больше ни одному своему негру не позволю жениться на негритянке с чужой плантации. Слишком дорого обходится. Однако пора, пошли ужинать, малышка.

Сумрак сгущался, последние зеленоватые отблески заката догорели на небе, и в теплом, напоенном весенними ароматами воздухе уже ощущалась ночная прохлада. Но Скарлетт медлила, не зная, как навести разговор на Эшли так, чтобы отец не разгадал ее мыслей. Это было непросто, ибо Скарлетт отнюдь не отличалась изворотливостью ума, и Джералд столь же легко распознавал ее уловки, как она – его, и не проявлял при этом особого такта.

– Как они там все в Двенадцати Дубах?

– Да как обычно. Заезжал Кэйд Калверт, и, покончив насчет Дилси, мы посидели на веранде, выпили пунша. Кэйд только что вернулся из Атланты, а там все очень взволнованы слухами о войне, только и разговору что об этом...

Скарлетт вздохнула. Если Джералд пустился рассуждать о войне и выходе Джорджии из Союза Штатов, этого хватит на целый час. Она прервала его, направив разговор в другое русло:

– А о завтрашнем барбекю разговора не было?

– Говорили, припоминаю. Мисс... постой, как же ее звать-то, ну, ты знаешь, славная такая малютка, двоюродная сестричка Эшли, та, что была у нас в прошлом году... Вспомнил – мисс Мелани Гамильтон! Она только что приехала из Атланты со своим братом Чарльзом и...

– О, вот как! Уже приехала?..

– Да, да, приехала. Очень милое создание, держится так скромно, как и подобает девушке. Ну, пошли же, чего ты опять стала, твоя маменька хватится нас.

Сердце Скарлетт упало. Она еще питала безрассудную надежду, что какие-нибудь обстоятельства помешают Мелани Гамильтон покинуть родную Атланту, но похвалы отца, расточаемые всему, что в этой девушке было так чуждо ей самой, заставили ее пойти напролом:

– А Эшли тоже был там?

– И Эшли был. – Джералд выпустил руку дочери и, повернувшись, пытливым взглядом на нее поглядел. – За этим ты сюда и пришла? К чему же ходить вокруг да около?

Скарлетт растерялась и с досадой почувствовала, что краснеет.

– Что ж ты молчишь?

Она по-прежнему не проронила ни звука, сожалея в душе, что отца нельзя схватить за плечи, тряхнуть, заставить замолчать.

– Он был там и очень ласково расспрашивал о тебе, так же как и его сестры, и все выражали надежду, что ты непременно побываешь у них завтра на барбекю. И я, – не без лукавства добавил он, – заверил их, что, конечно, ничто не может тебе помешать. А теперь выкладывай, что у тебя с Эшли?

– Ничего, – сказала Скарлетт и потянула его за рукав. – Пошли домой, папа.

– Так. Теперь ты заторопилась домой, – промолвил он. – Ну а я намерен теперь стоять здесь, пока ты мне все не объяснишь. Последнее время с тобой, похоже, творится что-то неладное. Он что, заигрывал с тобой? Может, делал тебе предложение?

– Нет! – отрезала Скарлетт.

– И не сделает, – сказал Джералд.

Скарлетт вспыхнула, но Джералд властным жестом не дал ей заговорить.

– Помолчите, мисс! Сегодня Джон Уилкс сообщил мне под большим секретом, что Эшли женится на мисс Мелани. И завтра будет объявлена их помолвка.

Рука Скарлетт, вцепившаяся в его рукав, безжизненно повисла. Значит, это все-таки правда!

Боль, словно хищный зверь, вонзила когти в ее сердце. Она перехватила взгляд отца – и уловила в нем и сострадание, и досаду: эта проблема была совсем не по его части, и он не знал, как к ней подступиться. Любя дочь, он вместе с тем чувствовал себя не в своей тарелке из-за того, что Скарлетт вынуждала его улаживать ее детские беды. Эллин – та знает, как в таких случаях надлежит поступать. Скарлетт следовало бы обратиться к матери.

– Зачем ты выступаешь себя на посмеище – позоришь и себя, и всех нас? – заговорил он, как всегда в минуты волнения повышая голос. – Вешаешься на шею парню, который тебя знать не хочет? А ведь к тебе готов посвататься любой самый видный жених в графстве.

Гнев и оскорбленная гордость заглушили на мгновение боль.

– Я не вешалась ему на шею. Просто эта новость удивила меня.

– А ведь ты врешь! – сказал Джералд и, взглядевшись в ее убитое горем лицо, добавил в порыве доброты и жалости: – Прости меня, доченька. Но ведь ты же еще ребенок, и поклонников у тебя хоть пруд пруди.

– Маме было пятнадцать лет, когда она выходила за вас замуж, а мне ведь уже шестнадцать, – глухо пробормотала Скарлетт.

– Твоя мать другое дело, – сказал Джералд. – Она никогда не была такой вертихвосткой, как ты. Ну-ну, дочка, голову выше! На будущей неделе мы с тобой поедem в Чарльстон к твоей тетушке Евлалии, и ты как слушаешь, что они там рассказывают про форт Самтер, так тут же и думать перестанешь о своем Эшли.

«Он считает меня ребенком, – подумала Скарлетт. Горе и досада на отца сковали ей язык. – Куплю ей, дескать, новую погремушку, и она забудет, что набила себе на лбу шишку!»

– И нечего смотреть на меня бешеными глазами, – сказал Джералд. – Будь у тебя в голове побольше мозгов, давно могла бы выйти замуж хоть за Брента, хоть за Стюарта Тарлтона. Подумай-ка над этим, дочка. Выходи замуж за одного из близнецов, и мы с Джимом Тарлтоном соединим наши плантации, а для тебя построим красивый дом как раз посередине, на границе между ними, там, где большая сосновая роща, и...

– Да перестаньте вы разговаривать со мной, как с ребенком! – не выдержала Скарлетт. – Не хочу я ехать ни в какой Чарльстон, и не нужен мне ваш дом, и не желаю я выходить замуж ни за одного из близнецов! Никто мне не нужен, кроме...

Она прикусила язык, но, увы, слишком поздно.

Голос Джералда звучал на этот раз странно спокойно, и слова падали медленно, словно он раздумчиво выбирал их из того запаса, к которому редко приходилось прибегать.

– Никто, значит, тебе не нужен, кроме Эшли, а его-то ты получить и не можешь. И если бы даже он захотел жениться на тебе, я бы с большой неохотой дал свое согласие, хотя Джон Уилкс и лучший мой друг. – И, видя, что его слова поразили Скарлетт, он добавил: – Я хочу видеть мою дочь счастливой, а ты никогда не была бы счастлива с ним.

– О да, да, я была бы счастлива! Очень!

– Нет, дочка, никогда. Чтобы брак был счастливым, муж и жена должны быть из одного теста.

У Скарлетт едва не слетели с языка неосторожные слова: «Но вы же счастливы, хотя совсем не из одного теста с мамой», – однако она вовремя удержалась, понимая, что за подобную наглость может заработать пощечину.

– Уилксы совсем другого сорта люди, не такие, как мы, – продолжал Джералд, все так же медленно подбирая слова. – Да они и ни на кого во всей нашей округе не похожи, я таких, как они, больше и не встречал нигде. Они – странный народ, и это хорошо, что в их роду так повелось – жениться на своих двоюродных сестрах и оставлять, так сказать, все свои странности при себе.

– Да нет же, папа, Эшли вовсе не...

– Придержи язык, котенок! Ничего плохого я про этого малого сказать не хочу, он мне нравится. Я говорю «странный» не в смысле поврежденный в уме. И таких подвигов, как за Калвертами, которые могут просадить на скачках все состояние, или как за Тарлтонами, у которых один-два пьяницы в каждом поколении, или как за Фонтейнами, которые все отпетые буяны и готовы пристрелить человека за любую безделицу, – таких подвигов за ним, конечно, не водится. Но только это все обычные дела, каждому понятные, и если бог уберет от такого Джералда О'Хара, так это ему просто повезло! И опять же я вовсе не считаю, что Эшли стал бы тебя поколачивать или наставлять тебе рога. Впрочем, это бы еще полбеда, потому что тут ты, может, сумела бы его понять. Но он совсем по-особому странный человек, и понять его невозможно. Я его люблю, но зарежь меня, если я понимаю хоть половину из того, что он говорит. Ну скажи мне, доченька, скажи положи руку на сердце, ты что-нибудь понимаешь во всей этой галиматее, которую он несет про книжки, музыку, стихи, картины и прочую чепуховину?

– Ах, папа, – нетерпеливо вскричала Скарлетт, – будь я его женой, со мной он стал бы совсем иным!

– Вот оно что, ты так полагаешь? – язвительно промолвил Джералд, бросив на нее испытующий взгляд. – Плохо же ты знаешь мужчин, не говоря уже об Эшли. Ни одна жена на всем

свете не сумела еще переделать мужа, и советую тебе зарубить это себе на носу. А уж чтоб переделать кого-нибудь из Уилксов – да тут сам всемогущий Бог тебе не поможет, дочка! Весь род у них такой, такими они были испокон веков. И такими, верно, и останутся. Говорю тебе – это у них в крови. Ты что, не видишь, как они носятся то в Нью-Йорк, то в Бостон – послушать оперу или поглядеть на какие-то там масляные полотна. И целыми ящиками заказывают себе у янки французские и немецкие книжки. А потом дни и ночи просиживают за этими книжками или раздумывают бог весть о чем, вместо того чтобы поехать на охоту или составить партию в покер, как подобает настоящим мужчинам.

– Во всем графстве никто лучше не сидит в седле, чем Эшли! – вне себя воскликнула Скарлетт, глубоко задетая тем, что ее любимого заподозрили в недостатке мужественности. – Никто, разве что его отец. И кто, как не Эшли, всего на прошлой неделе выставил вас в Джонсборо на двести долларов в покер?

– Откуда тебе известно, что на двести, – калвертские мальчишки опять распустили язык? – сердито пробормотал Джералд. – Эшли никому не уступит ни в седле, ни за карточным столом – разве я против этого спору, дочка? Да и во хмелю он крепок – любого из тарлтоновских мальчишек свалит под стол. Это все так, да только у него к этому вовсе не лежит душа. Вот почему я говорю, что странный он человек.

Скарлетт молчала. У нее стало еще тяжелее на сердце. Ей нечего было возразить отцу, она понимала, что он прав. Эшли нисколько не тянуло ко всем этим лихим забавам, в которых он принимал участие с таким блеском. Он просто проявлял вежливый интерес к тому, чему другие отдавали душу.

Правильно разгадав причину ее молчания, Джералд потрепал ее по плечу и торжествуя произнес:

– Вот видишь, Скарлетт. Ты сама понимаешь, что я прав. Ну на что тебе такой муж, как Эшли? У всех у них мозги набекрень, у этих Уилксов. – И, помолчав, прибавил вкрадчиво: – А Тарлтонов я просто так помянул, не нравятся – не надо. Они славные парни, но если тебе больше по сердцу Кэйд Калверт, то, по мне, и он хорош. Калверты все – добрый народ, хоть старик и взял себе в жены янки. А когда пробьет мой час... Слушай, детка! Я завещаю Тару тебе и Кэиду...

– Не пойду я за Кэйда, хоть меня озолоти! – со злостью выкрикнула Скарлетт. – И перестаньте же навязывать его мне, слышите! И не нужна мне ваша Тара и ваши дурацкие плантации. К чему все это, если...

Она хотела сказать: «если я не могу иметь того, кого хочу», но Джералд, ужаленный в самое сердце пренебрежением, с каким был отвергнут его великодушный дар – его Тара, которая, не считая, разумеется, Эллин, была ему дороже всего на свете, не дал ей договорить:

– От вас ли я это слышу, Скарлетт О'Хара! По-вашему, значит, Тара – ничего не стоящий клочок земли?..

Скарлетт упрямо мотнула головой. Она была так несчастна, что ей уже было все равно – отец рассвирепеет, ну и пусть...

– Земля – единственное на свете, что имеет ценность, – воскликнул Джералд, вне себя от возмущения воздев над головой свои короткие руки, словно призывая небо в свидетели, – потому что она – единственное, что вечно, и не мешало бы тебе зарубить себе это на носу! Единственное, ради чего стоит трудиться, за что стоит бороться... И умереть!

– Ах, папа, – презрительно молвила Скарлетт, – вы рассуждаете, как настоящий ирландец!

– А разве я когда-нибудь этого стыдился? Напротив, я этим горжусь. И вы тоже наполовину ирландка, не забывайте, мисс! А для того, у кого есть хоть капля ирландской крови в жилах, его земля – это то же, что родная мать. И мне сейчас стыдно за тебя. Я предложил тебе

в дар прекраснейшую из всех земель, не считая, конечно, графства Мит в Старом Свете, а ты что? Презрительно фыркнула!

Джералд в своем праведном гневe распался все больше и больше, но что-то в потухшем лице Скарлетт заставило его изменить тон.

– Впрочем, ты еще молода. Она еще пробудится в тебе – любовь к своей земле. Иначе и быть не может, ведь ты тоже ирландка. А сейчас ты еще ребенок, и у тебя одни мальчишки на уме. Станешь постарше, сама все поймешь... А пока подумай насчет Кэйда, или одного из близнецов, или кого-нибудь из сынков Эвана Манро, и ты увидишь, какую шикарную я тебе закачу свадьбу!

– Ах, папа!

Но разговор этот уже донельзя утомил Джералда, и терпение его истощилось – надо же, чтобы все это свалилось именно на его плечи! И особенно досадно было то, что Скарлетт все еще казалась удрученной, после того как он предложил ей на выбор лучших женихов графства и Тару в придачу. Джералд привык, чтобы его дары принимались с благодарными поцелуями и аплодисментами.

– Ну, хватит дуться, мисс. Кого ты выберешь себе в мужа – не имеет большого значения, если это будет джентльмен, южанин и человек достойный. А любовь приходит к женщине уже в браке.

– Ах, папа, какие у вас старомодные взгляды!

– И очень правильные, кстати! На что нам вся эта любовная чепуха на новомодный манер, все эти браки по любви, как у слуг или как у янки! Лучшие браки – это те, когда родители сами выбирают супруга для своей дочери. Ну разве может такая глупышка, как ты, разобраться, где хороший человек, а где негодяй? Погляди хоть на Уилксов. Откуда в них такая сила, такое достоинство – у всех, из поколения в поколение? Да потому, что они заключают браки среди своей родни, женятся на двоюродных сестрах – так уж у них заведено.

– Ах, боже мой! – вскричала Скарлетт.

Слова отца снова разбредили рану, напомнив ей о неотвратимости предстоящего союза.

Джералд беспомощно потоптался на месте, глядя на ее понурюю голову.

– Да ты никак ревешь? – спросил он, неуклюже взяв ее за подбородок и стараясь запрокинуть ей голову, и сам уже чуть не плача от жалости.

– Нет! – выкрикнула она, резко отстраняясь от него.

– Ты лжешь, и за это я тобой горжусь. Я рад, что в тебе есть гордость, котенок. И завтра на этом барбекю ты должна держаться гордо. Не хватает только, чтобы тебя подняли на смех и по всей округе пошли сплетни, что ты бегаешь за парнем, который никогда не предлагал тебе ничего, кроме дружбы.

«И вовсе это не так, – с грустью думала Скарлетт. – Я для него не просто друг, я же знаю. Я чувствую это. Будь у меня еще хоть немножко времени, я бы заставила его заговорить... Все ведь это только потому, что у этих Уилксов принято жениться на кузинах!»

Джералд взял ее руку и продел под свой локоть.

– А теперь мы пойдем ужинать, и весь этот разговор останется между нами. Я не хочу расстраивать твою мать и тебе не советую. А ну-ка, давай, дочка, высморкайся.

Скарлетт высморкалась в свой истерзанный носовой платок, и они рука об руку зашагали по темной аллее, а лошадь медленно пошла за ними. Возле дома Скарлетт хотела было снова что-то сказать, но тут на ступеньках крыльца она различила фигуру матери. Эллин была в шляпе, шали и митенках, а за ее спиной, с лицом мрачнее тучи, держа в руках черную кожаную сумку с бинтами и лекарствами, стояла Мамушка. Эту сумку Эллин О'Хара всегда брала с собой, когда на плантации кто-нибудь заболел и она шла оказать больному помощь. В минуты возмущения и без того оттопыренная нижняя губа Мамушки выпячивалась еще

дальше, и Скарлетт с одного взгляда поняла: что-то вызвало неодобрение Мамушки и она вся кипит.

– Мистер О’Хара! – заметив их приближение, окликнула мужа Эллин. Мать Скарлетт принадлежала к тому поколению, которое считало необходимым соблюдать известный декорум в отношениях между супругами, даже после семнадцати лет брака, увенчавшегося появлением на свет шестерых детей. – Мистер О’Хара, у Слэттери беда: Эмми разрешилась от бремени, но ребенок умирает, и его надо окрестить. Мы с Мамушкой хотим пойти туда поглядеть, чем можно помочь.

В голосе ее звучала вопросительная интонация, словно она испрашивала у Джералда согласия, что, разумеется, было простой формальностью, но чрезвычайно льстило Джералду.

– Час от часу не легче! – сразу вспылил Джералд. – Неужели эта белая рвань не может дать нам спокойно поужинать! А мне как раз не терпится рассказать вам, что говорят в Атланте о войне! Что ж, ступайте, миссис О’Хара, вы же иначе не сомкнете глаз до утра – все будете терзаться, что у кого-то беда, а вас там не было.

– Да она только голову на подушку и тут же опять вскочит и бежать. То надо какого-то негра полечить, то кого-то из этих белых бедняков, будто уж они сами о себе позаботиться не могут! – глухо проворчала Мамушка, спускаясь с крыльца и направляясь к стоявшей в боковой аллее коляске.

– Замени меня за столом, дорогая, – сказала Эллин, и ее обтянутая митенкой рука нежно коснулась щеки Скарлетт.

Немеркнущая магия этого прикосновения, тонкий аромат сухих духов лимонной вербены и легкий шелест шелкового платья, как всегда, трепетом отозвались в сердце Скарлетт, несмотря на душившие ее слезы. В присутствии Эллин у Скарлетт захватывало дух – мать была неким чудом, по странному волшебству обитающим под одной с ней кровлей, неотразимо прекрасным, внушающим благоговейный трепет и неизменно приносящим утешение во всех горестях.

Джералд помог жене сесть в коляску и дал кучеру наставление не гнать лошадей и ехать с осторожностью. Тоби, двадцать лет ходивший за лошадьми Джералда, негодуя скривил губы – хозяин мог бы и не совать нос в его дела. Мамушка восседала рядом с ним, дополняя собой картину нескрываемого африканского недовольства поведением хозяев.

«Если бы мы поменьше помогали этим несчастным Слэттери, – хмуро раздумывал Джералд, – они бы с охотой продали мне свои жалкие несколько акров болотистой низины и освободили бы графство от своего присутствия». Но тут в мозгу у него привычно мелькнула мысль о хорошей шутке, и, повеселев, он сказал:

– Давай-ка, дочка, скажем Порку, что я решил не покупать Дилси, а вместо этого продал его самого Джону Уилксу.

Бросив поводья болтавшемуся поблизости негриту, Джералд поднялся на крыльцо. Горести Скарлетт были им уже забыты, а мысли полны одним: как получше разыграть своего черного лакея. Скарлетт медленно, чувствуя холодную тяжесть в ногах, последовала за отцом. Ее брак с Эшли выглядел бы, в конце концов, ничуть не более странным, чем союз ее отца с Эллин Робийяр, в супружестве Эллин О’Хара. И в который уж раз она с недоумением спросила себя, как это могло произойти, что ее недалекий, грубоватый папаша ухитрился взять себе в жены такую женщину, как ее мать, ибо двух более несхожих по рождению, воспитанию и образу мыслей людей просто невозможно было себе представить.

Глава 3

Эллин О'Хара исполнилось тридцать два года, она уже была матерью шестерых детей, из коих схоронила троих, и по существовавшим в те времена понятиям считалась женщиной среднего возраста. Она была почти на голову выше своего горячего, вспыльчивого коротышки-супруга, но спокойная грация движений, приковывая к себе внимание, заставляла забывать про ее высокий рост. Стоячий воротничок черного шелкового платья туго обтягивал округлую, тонкую, чуть смуглую шею. Голова была слегка откинута назад, словно под тяжестью густых темных волос, стянутых на затылке тугим узлом и уложенных в сетку. От своей француженки-матери, родители которой в 1791 году бежали на Гаити от революции, она унаследовала и эти темные волосы, и темные, с узким разрезом глаза, и иссиня-черные ресницы; от отца – офицера наполеоновской армии – прямой удлинненный нос и чуть заметную широкоскулость, смягченную нежной линией подбородка и щек. И уж, верно, сама жизнь наградила Эллин и горделивой, без высокомерия, осанкой, и изысканной грацией, и этой меланхоличностью взгляда без малейшей искорки веселья.

Чуть больше блеска в глазах, тепла в улыбке, живости в мелодично-нежном голосе, звучащем музыкой в ушах ее близких и слуг, и красота Эллин О'Хара была бы неотразимой. В напевности ее говора была протяжность гласных, характерная для жителей прибрежной Джорджии, и легкий французский акцент. Голос Эллин никогда не повышался до крика – отдавала ли она приказания слугам или пробирала за шалости детей, – но все обитатели Тары повиновались ему беспрекословно и мгновенно, преспокойно игнорируя громы и молнии, которые привык метать ее супруг.

И всегда, с тех пор как помнила себя Скарлетт, ее мать была такой – деятельной и невозмутимой среди всех ежедневных тревожений усадебной жизни; укоряла она или поощряла, голос ее был неизменно мягок и тих, спина пряма и дух нестигаем; она осталась такой даже после потери трех малюток-сыновей. Скарлетт ни разу не видела, чтобы мать, сидя в кресле, позволила себе откинуться на спинку. И руки у нее всегда были заняты рукоделием, если только она не сидела за обеденным столом, или за усадебными счетоводными книгами, или у постели больного. Иногда (в присутствии гостей) это могла быть изящная вышивка, в другой раз – просто рубашка Джералда или детское платьице, требующее починки. А не то, так она шила одежду для слуг. И шла ли она, шурша платьем, по дому, наблюдая за уборкой, заглядывала ли в кухню или в мастерскую, где шилась одежда для негров, занятых на полевых работах, на пальце у нее всегда блестел золотой наперсток, а по пятам за ней следовала девочка-негр-тянка, на которую была возложена обязанность носить за хозяйкой шкатулку розового дерева со швейными принадлежностями и выдергивать из готового шитья наметку.

Скарлетт никогда не видела, чтобы мать теряла самообладание или чтобы ее туалет, независимо от времени суток, не был в безупречном состоянии. Если Эллин О'Хара собиралась на бал, или в гости, или в Джонсборо для присутствия на сессии суда, ее туалет обычно занимал не менее двух часов и требовал услуг двух горничных и Мамушки, но если возникала необходимость действовать быстро, ее молниеносная готовность поражала всех.

Скарлетт в своей спальне, расположенной напротив материнской, с младенчества привыкла слышать на заре легкий торопливый топот босых ног по деревянному полу, тревожный стук в дверь к хозяйке, испуганные, приглушенные голоса, сообщавшие о начавшихся родах, или о чьей-то болезни, или смерти, приключившихся в одной из беленных известкой хижин. Не раз, подкравшись к своей двери, Скарлетт смотрела в щелку и видела, как мать, аккуратно причесанная, в застегнутом на все пуговицы платье, с медицинской сумкой в одной руке и высоко поднятой свечой в другой, появляется на пороге темной спальни, откуда доносится мерное похрапывание отца.

И на ее детскую душу сразу нисходило успокоение, когда она слышала сочувственный, но твердый шепот матери:

– Тише, не так громко. Вы разбудите мистера О'Хара. Никто не умрет, это не такая опасная болезнь.

Приятно было снова забраться в постель и уснуть, сознавая, что мать ушла туда, в ночь, и, значит, ничего страшного не случится.

А утром, не дождавшись помощи ни от старого доктора Фонтейна, ни от молодого, вызванных куда-то еще, и проведя у постели роженицы или у смертного одра всю ночь, Эллин О'Хара спускалась, как обычно, в столовую к завтраку. И если под глазами у нее залегли глубокие тени, то голос звучал бодро, как всегда, и ничто не выдавало пережитого напряжения. За величавой женственностью Эллин скрывалась стальная выдержка и воля, державшие в почти-тельном трепете весь дом – и не только слуг и дочерей, но и самого Джералда, хотя он даже под страхом смерти никогда бы в этом не признался.

Порой, перед отходом ко сну, Скарлетт, поднявшись на цыпочки, чтобы дотянуться до материнской щеки, смотрела на нежный рот Эллин, казавшийся таким беззащитным, на ее тонкую верхнюю губу и невольно спрашивала себя: неужели этот рот тоже когда-нибудь беспечно улыбался и в ночной тишине шепотом поверял свои девичьи секреты на ухо подружке? Это казалось невообразимым. Для Скарлетт Эллин всегда была такой, как сейчас, – сильной, мудрой опорой для всех, единственным человеком на свете, знающим ответ на все вопросы.

Но конечно, Скарлетт была не права. Эллин Робийяр из Саванны умела беззаботно улыбаться и заливаться беспричинным смехом, как любая пятнадцатилетняя девчонка этого живописного городка на берегу Атлантики, и, как все девчонки, поверяла по ночам свои секреты подружкам – все секреты, кроме одного. Так было вплоть до того дня, когда некий Джералд О'Хара, двадцатью восемью годами старше Эллин, не вошел в ее жизнь. И случилось это в тот самый год, когда Филипп Робийяр, ее беспутный черноглазый кузен с дерзким взглядом и отчаянными повадками, навсегда покинул город и унес с собой весь молодой жар ее сердца, оставив маленькому кривоногому коротышке-ирландцу только восхитительно женственную оболочку.

Но Джералду, который, женившись на Эллин, не помнил себя от счастья, и этого было довольно. И если какая-то частица ее души была мертва для него, он никогда от этого не страдал. Джералд был достаточно умен, чтобы понимать: если он, небогатый ирландец, без роду без племени, взял в жены девушку из самого богатого и родовитого семейства на всем побережье, – это почти что равносильно чуду. Ведь он был никто, человек, выбившийся из низов.

Джералд О'Хара эмигрировал из Ирландии в Америку, когда ему едва исполнился двадцать один год. Отъезд был скоропалительным, как случалось не раз и с другими добрыми ирландцами и до него и после. Он уехал без багажа, с двумя шиллингами в кармане, оставшимися после оплаты проезда, и крупной суммой, в которую была оценена его голова, – более крупной, на его взгляд, чем совершенное им нарушение закона. Ни один оранжист, еще не отправленный в ад, не стоил в глазах британского правительства, да и самого сатаны, ста фунтов стерлингов, но если тем не менее правительство приняло так близко к сердцу смерть земельного агента какого-то английского помещика, давно покинувшего свое поместье, это значило, что Джералду О'Хара надлежало бежать, и притом побыстрее. Правда, он обозвал земельного агента «оранжистским ублюдком», но это, по мнению Джералда, еще не давало тому права оскорбительно насвистывать ему в лицо «Воды Бойна».

Битва на реке Бойн произошла более ста лет тому назад, но для всех О'Хара и любого из их соседей этого промежутка времени как бы не существовало, словно только вчера их мечты и надежды, вместе с их землями и состоянием, были развеяны по ветру в облаках пыли, поднятых копытами коня трусливого Стюарта, бежавшего с поля боя, оставив своих ирландских приверженцев на расправу Вилли Оранскому и его оголтелым наемникам с оранжевыми кокардами.

По этой и многим другим причинам семья Джералда не почла нужным рассматривать трагический исход вышеупомянутой ссоры как нечто заслуживающее серьезного внимания – помимо, разумеется, того, что он мог повлечь за собой серьезные последствия для них. На протяжении многих лет семья О’Хара, подозреваемая в тайных антиправительственных действиях, была на дурном счету у английских констеблей, и Джералд был не первым О’Хара, спешно покинувшим родину под покровом предрассветных сумерек. Он смутно помнил двух своих старших братьев, Джеймса и Эндрю, молчаливых юношей, порой неожиданно появлявшихся ночью с какими-то таинственными поручениями, порой исчезавших на целые недели – к неизбыточной тревоге матери – и сбежавших в Америку много лет назад, после того как на скотном дворе О’Хара под полом хлева был обнаружен небольшой склад огнестрельного оружия. Теперь оба они стали преуспевающими торговцами в Саванне («Одному Господу известно, что это за город такой», – со вздохом говаривала их мать, вспоминая своих старших отпрысков мужского пола), и молодого Джералда отослали к ним.

Мать наскоро поцеловала его в щеку, жарко прошептав на ухо слова католической молитвы, отец же напутствовал его так: «Помни, из какой ты семьи, и не позволяй никому задира́ть перед тобой нос». И с этим Джералд покинул родной кров. Пятеро высоченных братьев одарили его на прощание одобрительно-покровительственными улыбками, ибо он был в их глазах еще ребенком, да к тому же единственным недомерком в этом племени рослых здоровяков.

Отец и все пять братьев были крепкого сложения и более шести футов росту, а коротышка Джералд в двадцать один год уже знал, что Господь Бог в своей неизреченной мудрости отпустил ему всего пять футов и четыре с половиной дюйма в длину. Но Джералд никогда не позволял себе на это сетовать и – такой уж у него был характер – отнюдь не считал, что низкий рост может быть для него в чем-либо помехой. Скорее даже особенности телосложения и сделали его тем, чем он стал, ибо еще на пороге жизни он познал одну истину: маленький человек должен быть крепок, чтобы выжить среди больших. И в этом качестве Джералду отказать было нельзя.

Его рослые братья были немногословными, мрачноватыми парнями. Утрата былого величия их славного рода подспудной злобой жгла их души и прорывалась наружу язвительными шуточками. Будь Джералд таким же здоровенным верзилкой, как они, он тоже пошел бы по темному извилистому пути всех О’Хара, примкнув к тайным мятежникам. Но Джералд был горячая голова, «задира и горлопан», по выражению его нежной матушки, чуть что – лез с кулаками, и его буйный нрав каждому мгновенно бросался в глаза. Он держался со своими могучими братьями как маленький, но храбрый бойцовый петух среди крупнопородистых представителей птичьего двора, и братья любили его и добродушно поддразнивали, забавляясь его яростью, а иной раз и поколачивали, чтобы он не слишком все же забывался и знал свое место.

Если запас знаний Джералда, с которым он прибыл в Америку, был весьма скуден, то сам он, вероятно, об этом не подозревал. Да и не придал бы значения, открой ему кто-нибудь на это глаза. Мать научила его чтению и письму и выработала у него хороший почерк. Арифметика далась ему легко. И на этом его образование оборвалось. Латынь он знал постольку, поскольку мог повторить за священником, что положено повторять во время католической мессы, а его познания по истории ограничивались всевозможными фактами попрания исконных прав Ирландии. Из поэтов он знал только Мура, а по части музыки мог похвалиться недурным знанием старинных ирландских песен. Питая искреннее уважение к людям, получившим хорошее образование, он, однако, ничуть не страдал от недостатка собственного. Да и на что оно ему было в этой новой стране, где самый невежественный ирландец мог стать большим богачом? В стране, где от мужчины требовалась только сила, выносливость и любовь к труду.

Джеймсу и Эндрю, пристроившим его у себя в лавке в Саванне, тоже не приходилось сокрушаться по поводу его необразованности. Его четкий почерк, точность в подсчетах и хоро-

шая торговая сметка вызывали к нему уважение, в то время как, вздумай он похвалиться какими-либо познаниями по части литературы или музыки, его подняли бы на смех. Америка в те годы была еще гостеприимна к ирландцам. Джеймс и Эндрю, поначалу гонявшие фургоны с чужими товарами из Саванны в глубь Джорджии, преуспев, обзавелись собственной торговлей, и Джералд преуспевал вместе с ними.

Американский Юг пришелся ему по вкусу, и мало-помалу он стал южанином в собственных глазах. Кое в чем Юг и южане оставались для него загадкой, но он со свойственной ему цельностью и широтой натуры принял их такими, как он их понимал, принял их взгляды и обычаи: скачки, покер, дуэльный кодекс, страсть к политике, ненависть к янки. Права Юга, рабство и власть Короля Хлопка, презрение к «белой рвани» – к белым беднякам, не сумевшим выбиться в люди, – и подчеркнуто рыцарское отношение к женщинам. Он даже научился жевать табак. Учиться поглощать виски в неумеренных количествах, не хмелея, ему не было нужды – он владел этим даром от природы.

И все же Джералд оставался Джералдом. Образ его жизни и взгляды претерпели изменение, но менять свою манеру поведения он не стремился, даже если это было ему под силу. Он отдавал должное томной элегантности богатых хлопковых и рисовых плантаторов, приезжавших в Саванну из своих увитых плющом резиденций, гарцевавших по улицам на породистых лошадях, эскортируя экипажи не менее элегантных дам, за которыми катили фургоны с черной челядью. Однако самому Джералду элегантность не давалась, хоть умри. Протяжный ленивый говор приятно ласкал ему слух, но его собственный язык не был для этого приспособлен, и речь Джералда по-прежнему звучала резко и грубовато. Ему нравилась небрежная грация, с какой богатые южане заключали крупные сделки или ставили на карту раба, плантацию, целое состояние и расплачивались за проигрыш, ни на секунду не теряя хорошего расположения духа, так же легко и беспечно, как швыряли мелкую монетку негритенку. Но Джералд, знавший в жизни нужду, не мог невозмутимо и благодушно относиться к денежным потерям. Они были славный народ, эти южане с прибрежных плантаций – нежноголосые, горячие, забавные в своих непостижимых прихотях; они нравились Джералду. Но молодого ирландца, явившегося сюда из страны холодных влажных ветров, дующих над повитыми туманом топиями, не таящими в себе тлетворных миазмов, отличала такая крепкая жизненная хватка, какая и не снилась высокомерным отпрыскам благородных семей из края тропического солнца и малярийных болот.

Он перенимал у них то, что считал для себя полезным, и отбрасывал остальное. Он открыл, что покер и ясная голова во хмелю могут сослужить неплохую службу, и пришел к заключению, что покер – одно из самых полезных изобретений южан. Вот эта его врожденная смекалка в карточных играх и способность легко поглощать золотистое питье и принесли Джералду два самых драгоценных приобретения – его плантацию и его черного лакея. Третьим драгоценным приобретением была его жена, но за нее он мог благодарить лишь непостижимую милость Господа Бога.

Лакей по имени Порк, ослепительно-черный, вышколенный, исполненный чувства собственного достоинства, знающий толк во всех тонкостях портняжного искусства и элегантности, перешел во владение Джералда в результате затянувшейся до утра партии в покер с плантатором с острова Сент-Саймон, умевшим не менее стойко блефовать, чем Джералд, но проявившим меньшую стойкость по части новоорлеанского рома. И хотя прежний владелец Порка хотел потом откупить его обратно и предлагал двойную цену, Джералд отказался наотрез, ибо обладание первым в его жизни рабом, да к тому же еще «лучшим, черт подери, лакеем на всем побережье», явилось важным шагом на пути к исполнению его заветной мечты – стать и землевладельцем, и рабовладельцем.

Он уже давно пришел к заключению, что не будет, как Джеймс и Эндрю, всю жизнь заниматься торговлей и просиживать ночи при свечах, подбивая итог под колонками цифр. Не в пример братьям, он остро чувствовал своего рода социальное клеймо на тех, кого именовали

здесь «торговым человеком». Джералд хотел стать плантатором. Выходец из семьи ирландских арендаторов, некогда владевшей пахотными землями и охотничьими угодьями, он страстно желал насладиться видом зеленеющих акров собственных возделанных полей. Целеустремленно и безоглядно он мечтал о собственном доме, собственной плантации, собственных лошадях, собственных рабах. И здесь, в этой новой стране, не ведающей двух главных опасностей, которые подстерегают землевладельца у него на родине, – налогов, пожирающих весь доход от урожая, и неизбежной угрозы конфискации, – он намерен был воплотить в жизнь свою мечту. Но шли годы, и он понял, что честолюбивые замыслы – одно, а осуществление их – нечто другое. Местная земельная знать оказалась крепостью, проникнуть внутрь которой у него не было никакой надежды.

И тут рука Судьбы и рука карточного игрока преподнесли ему кусок земли, который он впоследствии нарек Тарой, и подвигли его тем самым перебраться с побережья в глубь Северной Джорджии.

Однажды теплой весенней ночью в одном из салунов Саванны до ушей его случайно долетели слова какого-то незнакомца, заставившие его сразу обратиться в слух. Незнакомец, уроженец Саванны, только что возвратился в родной город после двенадцати лет, проведенных в глубине штата. Он был участником земельной лотереи, организованной штатом с целью поделить на участки обширную территорию Центральной Джорджии, уже очищенной от индейских племен за год до того, как Джералд прибыл в Америку. Человек этот отправился туда и основал плантацию, но дом, который он себе построил, сгорел, «проклятое это место» ему осточертело, и он был бы рад поскорее сбыть его с рук.

Джералд, никогда не расстававшийся с мечтой приобрести собственную плантацию, представился незнакомцу и с возрастающим интересом стал слушать его рассказ о том, что на север штата хлынули переселенцы из обеих Каролин и Виргинии. Джералд уже достаточно давно жил на побережье, чтобы усвоить характерный для местных жителей взгляд на остальную часть штата как непроходимую лесную чащу, где за каждым деревом прячется индеец. Правда, по делам своих братьев он поднимался на сотню миль вверх по реке Саванне, побывал в Огасте и в старых городах еще дальше к западу. Он знал, что эта часть штата не менее заселена, чем побережье, но по рассказам незнакомца выходило, что его плантация расположена более чем в двухстах пятидесяти милях к северо-западу от Саванны, немного южнее реки Чаттахучи. Джералд считал, что земли к северу от этой реки еще заселены индейцами племени чероки, и поэтому был очень удивлен, когда незнакомец стал рассказывать, какие на этих новых землях возникли процветающие города и поместья, и посмеялся его вопросу – не тревожат ли их индейцы?

Через час беседа начала увядать, и тогда Джералд, уставив на незнакомца невиннейший взгляд ярко-голубых глаз и затаив на дне души коварнейший умысел, предложил составить партию в покер. Текли ночные часы, и стаканы бесчисленно наполнялись и опустошались, остальные игроки мало-помалу выходили из игры, и лишь Джералд продолжал сражаться с незнакомцем уже один на один. Незнакомец двинул на середину стола все свои фишки и прикрыл их сверху купчей на плантацию. Джералд тоже двинул все свои фишки, а поверх них бросил бумажник. Тот факт, что содержимое бумажника являлось собственностью фирмы братьев О'Хара, не слишком обременял совесть Джералда, и каяться в своем грехе завтра перед утренней мессой он не собирался. Джералд знал, чего хочет, а в этих случаях он всегда шел к цели напролом. К тому же он крепко верил в свою звезду и в то, что кривая вывезет, а потому даже не задумывался над тем, чем он будет отвечать, если партнер еще повысит ставку.

– Не стану утверждать, будто вам достался в руки клад, а как подумаю, что мне не надо больше платить налогов, так прямо гора с плеч, – сказал обладатель каре в тузах и крикнул, чтобы подали перо и чернила. – Дом сгорел год назад, поля заросли кустарником и молодой сосновой порослью, но, так или иначе, теперь это ваше.

– Никогда не мешай карты с виски, если ты не всосал ирландский самогон с материнским молоком, – наставительно сказал Джералд Порку в то утро, когда лакей помогал ему отойти ко сну.

И слуга, исполненный восхищения своим новым хозяином и уже начавший даже перенимать его ирландский акцент, отвечал, как положено, на такой смеси местного наречия с говором графства Мит, что это озадачило бы любого, кроме них двоих.

Илистая река Флинт, молчаливо проложившая себе путь между высокими темными стенами сосен и черных дубов, оплетенных диким виноградом, принимала в свои объятия новоприобретенные владения Джералда, омывая их с двух сторон. Глядя с невысокого холма, где когда-то стоял дом, на живую темно-зеленую стену, Джералд испытывал приятное чувство собственности, словно он сам возвел эту ограду вокруг своих владений. Он стоял на почерневшем каменном фундаменте сгоревшего дома, скользил взглядом по длинной аллее, тянувшейся от дома к проселочной дороге, и про себя чертыхался от радости, слишком глубокой, чтобы он мог выразить ее словами благодарственной молитвы. Эти два ряда величественных деревьев принадлежали ему, и эта заброшенная лужайка, заросшая сорной травой по пояс, и эти еще молоденькие магнолии, осыпанные крупными белыми звездами цветов. Невозделанные поля с порослью кустарников и проклюнувшимися из красной глины молоденькими сосенками, раскинувшиеся во все четыре стороны от этого холма, принадлежали ему, Джералду О'Хара, который, как истинный ирландец, умел пить не хмелея и не боялся, когда надо, все поставить на карту.

Закрыв глаза, Джералд вслушивался в тишину этих еще не разбуженных к жизни полей: он знал, что обрел свое гнездо. Здесь, на этом месте, где он стоит, подымутся кирпичные, беленные известкой стены его дома. Там, по ту сторону дороги, возникнет ограда, за которой будет пастись хорошо откормленный скот и чистокровные лошади, а красная земля, покато спускающаяся к влажной пойме реки, засверкает на солнце белым лебяжьим пухом хлопка – акрами хлопка! И слава рода О'Хара заблестит снова!

Одолжив у скептически настроенных братьев денег, забрав свою крохотную долю из их предприятия и раздобыв еще изрядную сумму под залог земли, Джералд получил возможность купить рабов для обработки полей, прибыл в Тару и поселился в четырехкомнатном домике управляющего в холостяцком одиночестве и сладком предвкушении последующего переселения в новый белостенный дом на холме.

Он возделал землю и посадил хлопок и занял еще денег у Джеймса и Эндрю, чтобы прикупить еще рабов. Братья О'Хара умели блюсти интересы своего клана и крепко держались друг за друга как в удаче, так и в нужде, и не столько из родственных чувств, сколько из жестокой необходимости, ибо знали: чтобы выжить в трудные годы, семья должна противостоять судьбе единым фронтом. Они одолжили Джералду денег, и по прошествии нескольких лет он возвратил им эти деньги с лихвой. Плантация расширялась: Джералд акр за акром прикупал соседние участки, и настал день, когда белый дом на холме из мечты превратился в реальность.

Дом был построен рабами: довольно неуклюжее, приземистое строение это глядело окнами на зеленый выгон, сбегавший вниз, к реке, но Джералд не уставал им любоваться, находя, что дом хотя и новый, а от него веет добротной стариной. Древние дубы, еще выдавшие пробиравшихся по лесу индейцев, обступали дом со всех сторон, простирая над его кровлей густой зеленый шатер ветвей. На лужайке, очищенной от сорняков, буйно разросся клевер и свинорой, и Джералд следил за тем, чтобы газону оказывался должный уход. Все в Таре – от подъездной кедровой аллеи до белых хижин на участке, отведенном для рабов, – выглядело солидным, прочным, сделанным на века. И всякий раз, когда Джералд возвращался верхом домой и за поворотом дороги его глазам открывалась крыша дома, выглядывавшая из-за зеленых крон деревьев, сердце его преисполнялось гордостью, словно он видел эту картину впервые.

Это дело его рук – этого крепкого, задиристого коротышки Джералда!

Со всеми соседями у Джералда сразу установились самые дружеские отношения. Исключение составляли только Макинтоши, чья земля примыкала к его плантации слева, и Слэттери, чьи жалкие три акра тянулись справа – вдоль поймы реки, за которой находились владения Джона Уилкса.

Макинтоши были полукровками, смешанного шотландско-ирландского происхождения, а вдобавок еще оранжистами, и последнее обстоятельство – будь они даже причислены католической церковью к лику святых – наложило на них в глазах Джералда каинову печать. Правда, они переселились в Джорджию семьдесят лет назад, а до этого их предки жили в Каролине, но тем не менее глава их клана, первым ступивший на американскую землю, прибыл сюда из Ольстера, и для Джералда этого было достаточно.

Это была молчаливая угрюмая семейка, державшаяся замкнуто, особняком: браки они заключали только со своими каролинскими родственниками, и Джералд оказался не единственным человеком в графстве, кому Макинтоши пришлись не по душе, ибо здешние поселенцы – народ общительный и дружелюбный – не отличались терпимостью по отношению к тем, кому этих качеств не хватало. А слухи об аболиционистских симпатиях Макинтошей никак не способствовали их популярности. Правда, старик Энгус за всю жизнь не отпустил еще на волю ни одного раба и совершил неслыханное нарушение приличий, продав часть своих негров заезжим работоторговцам, направлявшимся на сахарные плантации Луизианы, но слухи тем не менее продолжали держаться.

– Он аболиционист, это точно, – сказал Джералд Джону Уилксу, – но у оранжиста шотландская скупость всегда возьмет верх над убеждениями.

Несколько иначе обстояло дело со Слэттери. Будучи бедняками, они не могли рассчитывать даже на ту крупицу невольного уважения, которая доставалась на долю угрюмых и независимых Макинтошей. Старик Слэттери, упрямо державшийся за свои несколько акров, несмотря на неоднократные предложения о продаже со стороны Джералда О'Хара и Джона Уилкса, был жалкий, вечно хнычущий неудачник. Жена его, блеклая, неопрятная, болезненного вида женщина, произвела на свет кучу угрюмых, пугливых, как кролики, ребятишек и продолжала регулярно из года в год увеличивать их число. Том Слэттери не имел рабов и вместе с двумя старшими сыновьями судорожно пытался обработать свой хлопковый участок, в то время как его жена с остальными ребятишками возилась в некоем подобии огорода. Но хлопок почему-то никак не желал уродиться, а овощей с огорода, благодаря плодovitости миссис Слэттери, никогда не хватало, чтобы накормить все рты.

Вид Тома Слэттери, обивающего пороги соседей, выклянчивая хлопковых семян для посева или кусок свиного окорока, «чтобы перебиться», стал уже привычным для глаз. Слэттери, угадывая плохо скрытое за вежливым обхождением презрение, ненавидел соседей со всем пылом своей немощной души; однако самую лютую ненависть вызывали в нем эти «нахальные черномазые – челядь богачей». Черные слуги богатых плантаторов смотрели сверху вниз на «белых голодранцев», и это уязвляло Слэттери, а надежно обеспеченный слугам кусок хлеба порождал в нем зависть. Его собственное существование рядом с этой одетой, обутой, сытой и даже не лишенной ухода в старости или на одре болезни челядью казалось ему еще более жалким. Слуги по большей части бахвалились положением своих господ и своей принадлежностью к хорошему дому, в то время как сам он был окружен презрением.

Том Слэттери мог бы продать свою ферму любому плантатору за тройную против ее истинной стоимости цену. Каждый посчитал бы, что его денежки не пропали даром, ибо Том был у всех как бельмо на глазу, однако сам он не находил нужным сниматься с места, довольствуясь тем, что ему удавалось выручить за тюк хлопка в год или выклянчить у соседей.

Со всеми прочими плантаторами графства Джералд был на дружеской и даже короткой ноге. Все лица – Уилксов, Калвертов, Тарлтонов, Фонтейнов – расплывались в улыбке, как

только возникала на подъездной аллее невысокая фигура на большой белой лошади. Тотчас на стол подавалось виски в высоких стаканах с ложечкой сахара и толчеными листиками мяты на дне. Джералд всем внушал симпатию, и соседям мало-помалу открылось то, что дети, негры и собаки поняли с первого взгляда: за громоподобным голосом и грубоватыми манерами скрывались отзывчивое сердце и широкая натура, а кошелек Джералда был так же открыт для друзей, как и его душа.

Появление Джералда всегда сопровождалось неистовым лаем собак и радостными криками негритят, кидавшихся ему навстречу, отталкивая друг друга, корча хитрые рожи и улыбаясь во весь рот в ответ на его добродушную брань, причем каждый норовил первым завладеть брошенными им поводьями. Ребятишки плантаторов забирались к нему на колени и, пока он громил на чем свет стоит бесстыдство политиканов-янки, требовали, чтобы их «покатали». Дочери его приятелей поверяли ему свои сердечные тайны, а сыновья, страшаясь признаться родителям в карточных долгах, знали, что могут рассчитывать на его дружбу в трудную минуту.

– Как же ты, шалопай этакий, уже целый месяц не оплачиваешь долга чести! – гремел он. – Почему, черт побери, ты не попросил у меня денег раньше?

Давно привыкнув к его манере изъясняться, никто не был на него в обиде, и молодой человек смущенно улыбался и бормотал в ответ:

– Да видите ли, сэр, мне не хотелось обременять вас этой просьбой, а мой отец...

– Твой отец прекрасный человек, спору нет, но очень уж строг, так что вот, бери, и чтоб больше мы с тобой к этому разговору не возвращались.

Жены плантаторов капитулировали последними. Но после того как миссис Уилкс, «настоящая, – по словам Джералда, – леди, иной раз просто ни словечка не проронит», сказала как-то вечером своему мужу, заслышав знакомый стук копыт на аллее: «Язык у него ужасный, но тем не менее он джентльмен», – можно было считать, что Джералд занял подобающее место в обществе.

Сам же он даже не подозревал, что ему понадобилось на это почти десять лет, поскольку попросту не замечал косых взглядов соседей. С той минуты, как его нога ступила на землю Тары, он ни на секунду не усомнился в своей принадлежности к верхам местного общества.

Когда Джералду стукнуло сорок три и он стал еще румянее и смуглее и так раздался в плечах, что имел уже вид завязанного сквайра-охотника, прямо с обложки цветного иллюстрированного журнала, у него возникло решение: его бесценное поместье и распахнутые настежь сердца и двери местных плантаторов – это еще не все. Ему нужна жена.

Имению настоятельно требовалась хозяйка. Толстой поварихе-негритянке, переброшенной по необходимости со двора на кухню, никак не удавалось вовремя управиться с обедом, а негритянке-горничной, снятой с полевых работ, сменить в срок постельное белье и смести с мебели пыль, вследствие чего при появлении гостей в доме поднималась дикая суматоха. На Порка, единственного в Таре вышколенного слугу, было возложено общее наблюдение за челядью, но и он, при попустительстве не привыкшего к упорядоченной жизни Джералда, стал с годами небрежен и ленив. Своими обязанностями лакея он, правда, не пренебрегал, содержал комнату Джералда в порядке и прислуживал за столом умело и с достоинством, как заправский дворецкий, но в остальном предоставлял всему идти своим ходом.

С безошибочным природным инстинктом слуги-негры очень скоро раскусили нрав хозяйина и, зная, что собака, которая громко брешет, кусать не станет, беззастенчиво этим пользовались. Воздух то и дело сотрясали угрозы распродать рабов с торгов или спустить с них шкуру, но с плантаций Тары еще не было продано ни одного раба, и только один получил порку – за то, что любимая лошадь Джералда после целого дня охоты осталась неухоженной.

От строгого взгляда голубых глаз Джералда не укрылось, как хорошо налажено хозяйство у его соседей и как умело управляются со своими слугами аккуратно причесанные, шуршащие шелковыми юбками хозяйки дома. Ну а то, что они от зари до зари хлопочут то в детской, то

на кухне, то в прачечной, то в бельевой, – это ему как-то не приходило на ум. Он видел только результаты этих хлопот, и они производили на него неотразимое впечатление.

Неотложная необходимость обзавестись женой стала ему окончательно ясна однажды утром, когда он переодевался, чтобы отправиться верхом на заседание суда, и Порк подал ему любимую плюшевую рубашку, приведенную в столь плачевное состояние неумелой починкой служанки, что Джералду не оставалось ничего другого, как отдать ее лакею.

– Мистер Джералд, – сказал расстроенному хозяину Порк, благодарно складывая рубашку, – вам нужна супруга. Да такая, у которой в доме полным-полно слуг.

Джералд не преминул отчитать Порка за нахальство, но в глубине души знал, что тот прав. Джералд хотел иметь жену и детей и понимал, что долго тянуть с этим делом нельзя, иначе будет поздно. Но он не собирался жениться на ком попало, подобно мистеру Калверту, обвенчавшемуся с гувернанткой-янки, пестовавшей его оставшихся без матери детей. Его жена должна быть леди, благородная леди, с такими же изящными манерами, как и миссис Уилкс, и с таким же умением управлять большим хозяйством.

Но на пути к браку вставали два препятствия. Первое: все невесты в графстве были наперечет. И второе, более серьезное: Джералд был чужеземец и в какой-то мере «пришлый», хотя и обосновался тут десять лет назад. О его семье никому ничего не было известно. Правда, плантаторы Центральной Джорджии не держались столь обособленно и замкнуто, как аристократы побережья, однако и здесь ни одна семья не пожелала бы выдать дочку замуж за человека, дед которого никому не был известен.

Джералд знал, что, несмотря на искреннее к нему расположение всех, кто с ним охотился, выпивал и толковал о политике, ни один из них не просватает за него свою дочь. А ему отнюдь не улыбалось, чтобы пошли слухи о том, что, дескать, такой-то или такой-то плантатор должен был, к своему прискорбию, отказать Джералду О'Хара, добивавшемуся руки его дочери. Но, понимая это, он вовсе не чувствовал себя униженным. Чтобы Джералд О'Хара признал кого-то в чем-то выше себя – такого еще не бывало да и быть не могло ни при каких обстоятельствах. Просто в этом графстве были свои чудные обычаи, согласно которым девушек выдавали замуж лишь за тех, чьи семьи прожили на Юге не каких-то двадцать два года, а много больше, владели землей, рабами и предавались только тем порокам, которые вошли здесь в моду в эти годы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.